

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Путевые очерки и впечатлѣнія).

I.

ТОЯЛА ЧУДНАЯ весенняя погода, когда я и товарищъ мой, зоологъ, выѣхали изъ Оренбурга, направляясь въ пустыни Средней Азіи.

Оставить цивилизованный край, для того чтобы цѣлые полгода пожить безпокойной бивуачной жизнью, представлялось неособенно привлекательнымъ; но, стоило только вспомнить, какія чудеса, какіе нравы, какія страны придется встрѣтить,—и вся неприглядная сторона путешествія ступшеывалась, отодвигалась на задній планъ, и каждый изъ насъ спѣшилъ уложиться, старался пораньше выбраться изъ Россіи, раздражался всякимъ промедленіемъ...

Въ силу всего этого, мы весело болтали, сидя въ покойномъ тарантасѣ. Какъ-то особенно легко дышалось. Чувство полнѣйшей свободы заставляло чуть не прыгать на мѣстѣ.

А кругомъ разстилалась зеленѣющая равнина. Солнце садилось въ тучу. Косые лучи обливали всю даль теплымъ розовымъ свѣтомъ. Края облаковъ, громоздившихся на западѣ, горѣли ослѣпительнымъ блескомъ. Оренбургъ скрывался за пригоркомъ. Только бѣлая колокольня виднѣлась на горизонтѣ.

Пусто было кругомъ. Ни одного пѣшехода, ни одной повозки не виднѣлось нигдѣ, насколько хваталъ глазъ.

Не успѣли вдоволь наговориться, какъ уже стало темнѣть. Степь закуталась въ сумеркахъ, дорога еле виднѣлась.

Надо было подумать о ночлегѣ. Подъ этимъ, конечно, не подразумевалась остановка, — совсѣмъ нѣтъ; слѣдовало только въ тарантасѣ сдѣлать кое-какія перемѣщенія.

Въ такихъ дальнихъ путешествіяхъ, каково было наше, когда разстоянія считаются тысячами верстъ, экипажъ превращается въ постоянное жилище. Само собою разумѣется, что привыкаешь видѣть въ немъ все необходимое на извѣстныхъ, заранѣе избранныхъ мѣстахъ: ящики съ провизіей, положимъ, должны стоять тамъ-то, кожаная подушка — лежать такъ-то, пледъ, шуба, шарфы, все принаровлено такъ, чтобы днемъ позволяло свободно двигаться, свободно вставать съ мѣста, вылѣзть и опять садиться.

На ночь — все измѣняется. Шуба и теплое платье, вообще, вытаскиваются на свѣтъ Божій, подушка кладется нѣсколько иначе, чтобы было поудобнѣе прикорнуть, а ящики съ провизіей заталкиваются подалѣе подъ козлы. Такимъ образомъ, въ тарантасѣ дѣлается просторнѣе и является полнѣйшая возможность расположиться даже съ нѣкоторымъ комфортомъ.

То же самое было и въ тотъ вечеръ, когда мы выѣхали изъ Оренбурга. Наше походное жилище должно было не разставаться съ нами до самаго Самарканда, шутка ли!

Понятно, что мы съ необыкновеннымъ стараніемъ озаботились снаряженіемъ этого движущагося кабинета.

Правда, много было хлопотъ съ зоологическими банками, бутылочками, инструментами, ружьями и проч., тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ темноты, все пришло въ желанный порядокъ. Я закутался въ ергаки, совершивъ уже одно путешествіе въ Кара-Кумы, и съ удовольствіемъ улегся, въ надеждѣ отдохнуть нѣсколько отъ утомительнаго хлопотливаго дня.

Подулъ вѣтеръ изъ-подъ тучи. Пыль налетѣла вихремъ.

— Непогода будетъ! заявилъ ямщикъ, останавливая тройку и вытаскивая изъ-подъ себя зипунъ. Человѣкъ, взятый нами изъ Оренбурга въ качествѣ лакея, послѣдовалъ его примѣру. Нѣкоторое время продолжалась возня. Слышно было какъ лошади пофыркивали, звякалъ колокольчикъ, гармонично звенѣли бубенчики.

Наконецъ, возня на козлахъ кончилась, тарантасъ снова заступалъ по твердой и гладкой дорогѣ, колокольчикъ залился неумолкаемой трелью, и мы понеслись куда-то въ просторъ и темноту.

Изрѣдка холодный вѣтеръ распахивалъ воротникъ шубы и дулъ въ лицо. Еще полчася и дождевая капля щелкнула въ лобъ. Застегнули кожаный фартукъ, опустили зонть. Измученные сборами, мы отлично вздремнули.

Очнулись — стоимъ. Прямо въ глаза ударилъ свѣтъ отъ фонаря. Полосатый мокрый столбъ торчалъ у крылечка съ навѣ-

сомъ, а передъ нами переминался съ ноги на ногу писарь со станціи.

Дождь пересталъ. Съ крыши звонко стекала вода. Большая лужа передъ окномъ отражала освѣщенный четырехъ-угольникъ, занавѣски и даже густую герань съ красными цвѣтами.

Надо было доставать подорожную и, слѣдовательно, немного потревожиться, а затѣмъ—опять покрикиванье ямщиковъ, стукъ колесъ, подчасъ порядочные толчки и крѣпкій безмятежный сонъ.

Все пространство между Оренбургомъ и Губерлинскими горами имѣло теперь, весною, совсѣмъ другой видъ; не то, что въ сентябрѣ, когда мы возвращались изъ Кара-Кумовъ. Зеленая трава ковромъ покрывала степь. Въ каждой ложинкѣ еще стояла снѣговая вода. Цѣлыя тучи дичи съ шумомъ проносились надъ нашими головами.

Приходилось то и дѣло останавливаться. Зоологъ съ ожесточеніемъ палилъ изъ двухстволки и подбиралъ убитыхъ птицъ. Скоро стало тѣсно отъ наваленныхъ куликовъ, утокъ разныхъ сортовъ, даже орловъ и ястребовъ,—не было никому пощады.

Не успѣешь отъѣхать версту, слышишь—«стой!»

— Что еще?

— Погодите, погодите!

Зоологъ схватываетъ ружье, присѣдаетъ, ползетъ, прячется за камень или кустъ.

Въ ясномъ небѣ торопливо снуетъ какая-то птичка.

Вдругъ—зашпъ, птичка падаетъ.

Торжествующій натуралистъ поспѣшно хватается добычу и съ восторгомъ несетъ, разсматривая крылья.

— Ахъ, какой интересный *Carpimulgus*! разсуждаетъ онъ. Однако, какъ странно, что до сихъ поръ летаетъ; обыкновенно козодой показывается въ сумеркахъ и прячется съ восходомъ солнца. И замѣтьте, есть разница въ опереніи, сравнительно съ нашимъ видомъ.

И приходится слушать цѣлую лекцію о *Carpimulgus*.

По неволѣ увлекаешься, знакомишься съ фактами, мнѣ неизвѣстными, и зорко приглядываешься къ полету каждой птицы.

Незамѣтно бѣжитъ время.

Между тѣмъ, мы въѣзжаемъ въ Губерли. Холмистая мѣстность дѣлается все выше и выше. Стали попадаться крутые спуски, трудные подъемы. И чѣмъ дальше подвигаемся, тѣмъ красивѣе горы. Далеко на горизонтѣ виднѣются отлогія отдѣльные возвышенности; онѣ жмутся другъ къ другу, сливаются подножіями, опираются боками. Сюда ближе горы круче, скалистѣе; бѣловатая обнаженія сверкаютъ на солнцѣ.

Мы въехали на высокую вершину, отъ которой начинается по-

катость къ ближайшей станціи. Отсюда открывается прелестная панорама. Горы большія и маленькія, крутыя и плоскія, съ круглыми и острыми верхушками—какъ на ладони. Видны почти всѣ ущелья, почти всѣ долины. Особенно красивы переливы свѣтлыхъ и темныхъ тоновъ зелени, когда солнце то померкнетъ отъ набѣжавшаго облака, то брызнетъ цѣлымъ снопомъ лучей на зеленѣющій откосъ. Каждый часъ, каждую минуту, съ переменною освѣщенія мѣняется общій видъ панорамы.

Дорога извилисто подымается на пригорокъ. На его вершинѣ стоитъ телеграфный столбъ, точно забѣжавшій впередъ, чтобы взглянуть вдаль—не видна ли станція?

Тройка бойкихъ лошадокъ «однимъ духомъ», по выраженію казака, сидящаго важно на козлахъ въ картузѣ съ синимъ околышемъ, внесла насъ на холмъ и помчалась дальше.

На поворотѣ выглянула бѣлая церковь изъ-за густой зелени ивняка, сверкнула крестомъ на синемъ небѣ.

Мы покатили по улицѣ. Станица была оживлена, благодаря какому-то празднику. Разукрашенные казачки въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ осадили насъ у станціи, предлагая пуховые платки, извѣстные всей Россіи и даже Европѣ. Цѣлую зиму сидятъ женщины надъ вязаньемъ тонкой шерсти и продаютъ свое рукодѣлье чрезвычайно дешево. Платокъ въ 4 аршина (въ квадратѣ), проходящій сквозь кольцо совершенно свободно, стоитъ рублей 12; меньшіе по размѣру продаются за 6, 5 даже 3 рубля серебромъ.

Этимъ пользуются купцы. Они закупаютъ такой товаръ большими партіями и везутъ въ Оренбургъ. Здѣсь, подъ названіемъ «оренбургскихъ шалей» сбываютъ ихъ за 25 и 30 руб. сер., въ Петербургѣ и Москвѣ за нихъ заплатишь 50 и 75 руб., а въ Парижѣ, говорятъ, они цѣнятся въ сотни франковъ. Барышъ, какъ видите, хорошій.

Пока мы торгуемся съ женщинами, тройка готова. Нѣсколько казаковъ держать лошадей.

— Ты, Кирюха, мотри коренную-то придерживай вначалѣ, а то подхватить, замѣчаетъ станціонный смотритель, почтеннаго вида старикъ.

— Знамъ, что дѣлать!.. не учи! ворчить парень, разбирая возжи и опраясь на козлахъ.

— То-то «знамъ». Мотри!

Лошадей пустили. Коренная, почувствовавъ свободу, взвилась на дыбы, рванула и, поддержанная пристяжными, понеслась какъ стрѣла по улицѣ.

Давно уже мелькнула мимо насъ послѣдняя хата станицы, давно прогремѣлъ подъ колесами мостикъ, перекинутый черезъ какой-то ручей, а мы все летимъ. Ямщикъ только кнутомъ поводить, да смотреть впередъ нераздавить бы кого.

Но вот лошади замѣтно устаютъ. Коренная перешла на быструю рысь; только пристяжны попрежнему скачутъ, гремя звонкими бубенчиками.

Проѣхали еще версты двѣ. Ямщикъ остановился, слѣзъ съ козелъ и началъ оправлять сбрую.

Отъ тройки шелъ густыми клубами паръ, широко раскрытыя ноздри учащенно дышали.

Дорога пролежала по берегу неширокой рѣчки. Справа и слѣва отвѣсно подымались скалы. Въ ущельяхъ густо разрослись деревья. Желто-зеленые листочки молодыхъ, только что распустившихся, беревокъ рельефно выдѣлялись на темномъ фонѣ сосѣднихъ кустовъ. Между вѣтвями сверкала вдали рѣчка, окаймленная высокимъ зеленымъ камышомъ. Кругомъ было такъ тихо, что слышалось журчанье ручейка, протекавшаго поперекъ дороги; изъ каменистой щели утеса, нависшаго надъ нами, пробиралась тонкая струйка воды и гдѣ-то падала невидимымъ каскадомъ.

Въ сторонѣ отъ дороги возвышался каменный столбъ.

— Это что за столбъ? спросилъ я у ямщика.

— А кто его знаетъ.

— Развѣ ты не здѣшній?

— Для-ча нездѣшній? здѣшній, и родился тутъ.

— Развѣ ты ничего не слышалъ отъ стариковъ, почему столбъ поставили?

— Нѣтъ, не слышалъ

— Можетъ быть, это какойнибудь пограничный?

— Можетъ быть и пограничный. Мы почему знаемъ. Мало ли чего на свѣтѣ дѣлается, всего не узнаешь, только мозгъ засоришь, коли обо всемъ знать. Знай только то, что надо знать.

На этомъ разговоръ и кончился.

Мы выѣхали изъ ущелья. Солнце поднялось уже высоко и начинало припекать порядочно. Ямщикъ упорно молчалъ, зоологъ пересталъ стрѣлять, такъ какъ ничего на пути не попадалось.

Наконецъ, горы разступились, вдали мелкнули строения, церковь и пожарная каланча. Налѣво сгруппировались старья, уродливыя деревья, послѣднія деревья Европейской Россіи. Вотъ и рѣка Уралъ съ деревяннымъ широкимъ мостомъ. Мы въѣзжаемъ въ Орскъ.

Небольшая площадь, на которой возвышается просторная соборная церковь, застроена множествомъ маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. Почва устлана толстымъ слоемъ сѣна, соломы и навоза. Толпы киргизовъ снуютъ взадъ и впередъ, пѣшкомъ и верхомъ на коренастыхъ небольшихъ лошадакахъ. Кое-гдѣ видны меланхолическія фигуры верблюдовъ, на которыхъ покачиваясь разтѣвжаютъ киргизскія красавицы съ плоскимъ сальнымъ лицомъ и узкими

глазками. Изъ кабака слышны веселая пѣсня, непечатная брань, возгласы и хохотъ. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ пеструю и шумную картину.

На станціи, гдѣ мы остановились, нельзя было ничего достать, чтобы утолить голодъ. Явилась необходимость отправиться въ гостиницу, гдѣ, по увѣренію зрителя, можно достать все во всякое время. Мы пошли отыскивать.

Трехъэтажный деревянный трактиръ, неуклюже сбитый изъ потемнѣвшихъ толстыхъ бревенъ и украшенный громадной синей выѣской, угрюмо стоитъ на базарной площади и замѣняетъ жителямъ Орска клубъ, гдѣ можно поѣсть, выпить и узнать новости. Тамъ собираются торговцы, туда заглядываютъ богатые киргизы, сюда же попадаютъ проѣзжіе люди (въ родѣ насъ), которымъ негдѣ иначе пообѣдать. Все это доставляетъ возможность обмѣниваться мыслями, слушать разговоры о торговлѣ, политикѣ, городскихъ сплетняхъ.

По скользкой крутой лѣстницѣ взобрались мы во второй этажъ и, такъ какъ всѣ комнаты или «залы» были заняты, то намъ предоставили въ полное распоряженіе маленькое отдѣльное помѣщеніе, съ поломаною мебелью и грязнымъ поломъ. За то на стѣнѣ висѣли двѣ картины весьма интереснаго содержанія: первая, какъ гласила надпись, изображала «персипскихъ охотниковъ», сражающихся съ африканскимъ слономъ, другая—ловлю «жоко—бразильской обезьяны на островѣ Борнео».

Какъ видите, подобныя произведенія нашего отечественнаго искусства могутъ понравиться хоть кому, и мы занимались разсматриваніемъ всѣхъ этихъ разукрашенныхъ уродовъ съ большимъ вниманіемъ, пока, наконецъ, не получили долго ожидаемаго обѣда. Быть можетъ, въ другое время, у себя въ Казани, такого супа мы бы и не стали ѣсть, но здѣсь онъ показался намъ очень вкуснымъ.

Утоливъ голодъ, надо было потолкаться по базару и купить многое, необходимое въ дорогѣ. Дѣлалось это въ виду того, что на станціяхъ до самаго Ташкента нельзя ничего найти ни за какія деньги, а въ Иргизѣ, Казалинскѣ, Туркестанѣ и другихъ попутныхъ городахъ, если случайно что нибудь и найдется, то за это возьмутъ въ три-дорога.

Такимъ образомъ, пришлось еще больше и ближе ознакомиться съ базарной жизнью Орска и еще разъ убѣдиться, что этотъ городокъ весьма похожъ на всякій маленькій уѣздный городъ и ничего оригинальнаго не имѣетъ, исключая киргизовъ и неразлучныхъ съ ними верблюдовъ.

Уже вечерѣло, когда мы разиѣстились опять въ нашемъ тарантасѣ и, напутствуемые благими пожеланіями зрителя, двинулись въ киргизскую степь. Долго оглядывались мы назадъ, прощаясь съ Европой. Не скоро придется намъ вернуться сюда об-

ратно. Да и кто знает, суждено ли всѣмъ увидѣть снова эту церковь, пожарную каланчу, грязный базаръ?..

Ровной скатертью развѣртывалась передъ нами степь. Множество мелкихъ бассейновъ воды, масса дичи и здѣсь встрѣчались намъ чуть не на каждомъ шагѣ.

Въ лицо дулъ теплый южный вѣтеръ. Солнце садилось чисто. На небѣ невидно было ни одного облачка. Съ шумомъ пронеслась вереница дикихъ утокъ, цѣлая туча скворцовъ.. Высоко въ воздухѣ перекликались орлы, невидимые для глаза. Гдѣ-то въ сторонкѣ заливался жаворонокъ.

Въ послѣдній разъ мелькнулъ вдали Орскъ. Губерлинскія горы синей полоской тянулись на сѣверо-западѣ и постепенно ступеывались въ вечернемъ туманѣ.

Степь со всѣхъ сторонъ охватила насъ.

Мы были въ предѣлахъ Азіи.

Все пустынное и пустынное становится мѣстность. На пространствахъ десятковъ верстъ не видно никакихъ поселковъ. Изрѣдко на далекомъ горизонтѣ черной точкой выгянетъ почтовая станція.

Подѣзжаете. Бревенчатый домъ, да длинные сараи для лошадей неуютно торчатъ среди голаго поля. На заднемъ дворѣ стоятъ высокія горы потемнѣвшаго камыша, которымъ кормятъ здѣсь скоть; въ сторонѣ черной дырой зияетъ колодецъ, весьма часто—безъ воды. Нѣсколько полусгнившихъ труповъ павшихъ лошадей, нѣсколько скелетовъ и изломанныхъ почтовыхъ телѣгъ довершаютъ картину.

А кругомъ — просторъ и безотрадность степи. Солнце сдѣлало уже свое дѣло—все мертво, пыльно и сухо.

Отъ станціи до станціи подвигались мы на югъ, пока не добрались до небольшого мѣстечка съ громкимъ названіемъ фортъ Кара-Бутахъ. Когда-то здѣсь содержался передовой отрядъ нашъ, на обязанности котораго лежало наблюдать за непокойными кочевниками, готовыми при всякомъ удобномъ случаѣ поднять голову; теперь времена ужъ не тѣ, и фортъ представляетъ собою группу невзрачныхъ домовъ и полуразрушенныхъ построекъ, расположенныхъ на берегу крутого оврага. Передъ почтовою станціей, на площади стоятъ длинныя одноэтажныя казенныя заведенія съ красными желѣзными крышами и бѣлыми стѣнами, — это лазаретъ и всякія «управленія». Нѣсколько семействъ военныхъ и чиновниковъ, заброшенныхъ судьбою въ эту тущобу, развлекаются картами, чтеніемъ запоздалыхъ газетъ и воспоминаніями прошлаго, Никакая другая жизнь, конечно, здѣсь немыслима.

Когда мы подѣхали къ высокому крыльцу почтовой станціи, тамъ стояло рядомъ два экипажа: одинъ — старый загрязненный тарантасъ съ бѣлымъ парусиннымъ верхомъ, другой — обыкновен-

ная перекладная. Военный господинъ, въ высокихъ сапогахъ и форменномъ сюртукѣ неопредѣленнаго цвѣта, укладывалъ въ повозку тощій изодраный чемоданъ, саблю въ чехлѣ и подушку въ ситцевой наволочкѣ. Какая-то дѣвушка помогала ему.

Сѣдой курчавый ямщикъ запрягалъ коренную и сильно суетился около телѣжки.

— Живѣе, старый хрѣнъ! кричалъ сильнымъ басомъ офицеръ, — чтобъ въ минуту было готово!

Увидавши насъ, онъ приподнялъ свою бѣлую запыленную фуражку, храбро подошелъ и съ необыкновенною развязностью затараторилъ:

— Имѣю честь кланяться, господа путешественники. И вы тоже въ средне-азіатскія владѣнія отправляетесь? очень хорошо!.. а нѣтъ ли у васъ папирсъ?

Я вышелъ изъ тарантаса, досталъ портъ-сигаръ и подаль.

— Благодарю васъ. Очень благодарю. Поистоялся, все зелье вышло. Пойдемте на крыльцо, пока станутъ животныхъ выводить. Потолкуемъ... Позвольте узнать, откуда ѣхать изволите?

Я сказалъ.

— Бываль-съ и въ вашихъ мѣстахъ. Въ юности тоже вѣдь въ университетѣ штудировалъ права всякія. Но, сообразивъ, что защитники дорогого отечества имѣютъ больше всѣхъ право на все — бросилъ храмъ науки. Сядемте-ка рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ.

Такъ какъ вечеръ былъ очень хорошій, то я согласился на предложеніе незнакомца помѣститься на ступеньку крыльца и послушать его странную рѣчь.

— А вы откуда? рѣшился и я обратиться съ вопросомъ.

— Изъ Оренбурга. Переведенъ теперь въ Ташкентъ. Во время послѣдней войны за Балканами былъ, Константинополь видѣлъ, въ лазаретѣ пролежалъ и побѣдоносно возвратился въ матушку Россію. Затѣмъ, получивъ приказъ отправиться въ азіатскій Парижъ, захватилъ приличную сумму серебрянниковъ, кои спустилъ въ два вечера, благодаря интригамъ товарищей, и вотъ никакъ не могу добраться до мѣста назначенія. Для сокращенія расходовъ на дорогу бросилъ даже своего деньщика; пусть, какъ птица небесная, кормится и до Ташкента прилетитъ.

Офицеръ докурилъ папиросу и забарабанилъ пальцами по периламъ крыльца, глядя куда-то вдаль. Физиономія его носила слѣды кутежей самыхъ отчаянныхъ; по всему лицу, какъ на картѣ желѣзныхъ дорогъ, расплзались во всѣ стороны рѣзкія линіи морщинъ. Рыжіе щетинистые усы были какіе-то смятые, глаза — впалые, мутные. Трудно было даже приблизительно сказать, сколько лѣтъ незнакомцу? На вискахъ и въ рыжей небритой бородѣ сквозила уже сѣдина, а спина довольно сильно изогнулась дугой.

— Въ Оренбургѣ,—продолжалъ онъ,—случился со мной казусъ. Сижу это я на квартирѣ и думаю: гдѣ бы взять коверъ-самолетъ, чтобы безъ прогоновъ пролетѣть двѣ тысячи верстъ?.. Въ карманахъ пусто, въ желудкѣ — тоже, въ папиросницѣ — не больше... Вдругъ входитъ деньщикъ, мой вѣрный Санчо-Пансо, и говоритъ: «Ваше благородіе». — Чего тебѣ? — «Когда же мы выѣзжаемъ?» — Убирайся къ чорту, пока морда цѣла. — «Оно такъ-то такъ, а все-таки ѣхать нужно». — Пошелъ вонъ, говорю. — «А вы не извольте сердиться, ваше благородіе, а лучше у меня дурака спросите совѣта, я научу». — Что же это ты, скотина, смѣешься надо мною, что ли? — «Боже сохрани смѣяться, ваше благородіе; а только возможность есть» — Какая? — «А вотъ такая, ваше благородіе. Былъ я, значитъ, на почтовой станціи. Вижу — барыня сидитъ на крылечкѣ, на тарантасъ незапряженный поглядываетъ и горько вздыхаетъ. Я что-то спросилъ — она отвѣтила; разговорились. Узнаю, что барыня съ горничной въ Ташкентъ ѣдетъ, да однѣмъ-то безъ мужчины страшно вато. Я и говорю: мы, молъ, съ бариномъ, тоже туда на дняхъ собираемся. Ужъ такъ этому барыня обрадовалась, что и сказать невозможно! Пойди, говоритъ, голубчикъ, узнай у господина офицера, не хочетъ ли я его даромъ довезу? пусть только свою казенную подорожную представляетъ, чтобы остановки на станціяхъ никакой не было, а всѣ расходы мои». Конечно, я на такія кондиціи согласился и выигрался, какъ младенецъ во чревѣ. Черезъ два часа все было улажено, уложено и... мы двинулись. Сначала шло прекрасно; до Орска я ухаживалъ за барыней (оказавшейся вдовицей и домовладѣлицей въ Ташкентѣ) ѣлъ, спалъ, но... не пилъ. Въ Орскѣ пропустилъ штофикъ, другой... барыня носъ завернула, пьяницей обозвала. Я, не говоря дурного слова, плюнулъ на это и сталъ отчаянно ухаживать за горничной, которая была и покрасивѣе, и помоложе. Тутъ уже пошла баталія настоящая; хуже чѣмъ подъ Плевной приходилось. Однако, я все крѣпился, пока не доѣхали до сего самаго форта Кара-Бутакскаго. Здѣсь ужъ признаться я немного лишняго за галстухъ залилъ и что-то непотребное брякнулъ. И вотъ, полчаса тому назадъ услышалъ изъ устъ прелестной: «Берите ваши пожитки и отправляйтесь одни; мнѣ пьяницѣ, дескать, не надо!» Такимъ образомъ, я остался между небомъ и землей, съ тремя рублями въ карманѣ, и какъ доѣду — одному Аллаху извѣстно!... О, женщины, женщины! до чего доводитъ ваша ревность!... Разозлилась барыня даже за то, что Маша укладываться мнѣ помогала... Такъ-то-съ!

Слушая разсказъ офицера и глядя на его довольно подозрительную фигуру, мнѣ пришло въ голову: а ну какъ онъ до самаго Ташкента будетъ приставать къ намъ, будетъ денегъ просить, табаку, и такъ далѣе? Я рѣшился тотчасъ же отдѣлаться отъ непрощеннаго знакомства и всталъ, намѣреваясь уйти въ комнату для проѣзжающихъ.

— Куда же это вы? — спросилъ рассказчикъ.

— Мнѣ надо... я думаю чаю напиться. Необходимо распорядиться.

— Гмъ. Жаль, что не вмѣстѣ поѣдемъ. Впрочемъ, я гдѣ нибудь васъ подожду на станціи... Прощайте.

— Прощайте.

Въ комнатѣ, въ которую я вошелъ, на одномъ изъ столовъ уже пыхтѣлъ самоваръ, зоологъ суетился около чайника, вынималъ изъ синей сахарной бумаги жареную холодную курицу.

У другого сидѣли двѣ женщины. Одна — пожилая, некрасивая, уже «поблекшій жизни цвѣтъ», другая — молодая горничная, помогавшая офицеру укладывать его пожитки въ перекладную.

Не успѣли мы выпить по одному стакану чая, какъ вошелъ офицеръ. Дама отвернулась въ сторону.

— Ну, Маша, прощайте-съ! — обратился онъ къ предмету своихъ ухаживаній. — Не вспоминайте лихомъ... А вамъ благородная дама... дѣлаю вамъ реверансъ.

И онъ комично присѣлъ передъ вдовушкой, придерживая фалдочки своего сюртука, на подобіе дамскаго платья.

— Даже и взглянуть не хотятъ!... о, жестокая!... Прощайте, господа... гдѣ нибудь еще встрѣтимся! — отнесся словоохотливый защитникъ отечества къ намъ.

— Впрочемъ, дайте-ка папироску на дорогу... Благодарю. Да знаете ли что? Налейте-ка мнѣ стаканчикъ чая, что-то въ горлѣ пересохло... Побесѣдуемъ немного, а перекладная подождетъ.

Дѣлать нечего, пришлось угостить.

— И такъ, вы ѣдете въ Ташкентъ. Я отыщу васъ тамъ непременно. Покажу все, что пожелаете... Хорошій городъ. Живутъ тамъ «Ташкентцы», народъ прославленный господиномъ Щедринымъ. Надо однако замѣтить, что все это прекрасные люди, а если немного горячи, такъ вѣдь это необходимость заставляетъ. Развѣ азіяты иначе послушаютъ васъ, если вотъ этого инструмента съ вами не будетъ?

И онъ вынулъ изъ голенища сапога казакскую нагайку.

— У меня, благодаря этому волшебному жезлу, всегда всего довольно. Какъ только ямщикъ или смотритель станціи заартачится, я сейчасъ легонько по спинѣ штукъ десятокъ влѣплю, и все является — и лошади, и повозка, и провизія. Согласитесь сами, господа, что мы русскіе происходимъ отъ варяговъ; насъ азіяты призывали въ незапамятныя времена, чтобы водворять между ними порядокъ. Такимъ образомъ, уже тогда имѣлось два сословія: чернь и господа; мы — господа, потомки варяговъ, а чернь — до сихъ поръ осталась азіятами. Этотъ простой народъ одинаковъ вездѣ, и въ Азій, и въ Европѣ, стало быть и мы должны быть одинаковы въ Европѣ и въ Азій. Самъ законъ природы требуетъ, чтобы мы и

теперь водворяли порядокъ, а онъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ процвѣтаетъ нагайка. Все это я давно испыталъ и желаю быть вѣрнымъ своимъ принципамъ; будучи убѣжденъ, что я варягъ и ничего больше — сыплю нагайкой направо и налево, и совѣсть моя покойна. Смѣяться надъ моими убѣжденіями невозможно; это было бы святотатствомъ.

Смотритель вошелъ и доложилъ, что лошади господину офицеру уже давно готовы.

— Хорошо, сейчасъ выйду! — мрачно крикнулъ варягъ, допилъ не спѣша чай, дружески простился съ нами, «сдѣлавъ ручкой» обиженной дамѣ, ущипнулъ мимоходомъ горничную и звеня шпорами вышелъ изъ комнаты.

— Какой нахаль, отвратительный пьяница! — процѣдила сквозь зубы дама, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Черезъ полчаса, выждавши когда стукъ офицерской перекладной затихъ въ отдаленіи, мы попросили смотрителя позаботиться и о нашемъ тарантасѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы усѣлись въ экипажъ. Въ казенныхъ зданіяхъ замигали огни. Изъ оврага потянуло свѣжестью. Тронулись.

Ямщикъ осторожно спустилъ съ горы, съ крикомъ взлетѣлъ на противоположный крутой подъемъ и бойкой рысью покатилъ по гладкой и ровной степи.

Закатъ еще слабо алѣлъ. Звѣзды мерцали въ вышинѣ. Млечный путь рѣзко выдѣлялся на темномъ небѣ. Долго толковали мы о варягахъ.

Было далеко за полночь, когда нашъ тарантасъ остановился у какой-то станціи. Подобныя остановки до сихъ поръ нисколько не мѣшали намъ спать, такъ какъ прогоны были уплачены до самаго Иргиза и нашему человеку, дремавшему на козлахъ, приходилось только показывать подорожную. Но, на этотъ разъ мы испуганно повскакали съ своихъ мѣстъ. У подъѣзда слышались крики, брань, чтѣ-то въ родѣ стоновъ и оханья.

Приподнявши немного кожаный фартукъ, я скоро догадался въ чемъ дѣло — здѣсь свирѣпствовалъ варягъ, водворялъ порядокъ.

— Я тебя засѣку, скотина! — ревелъ онъ. — Подавай сейчасъ! Ты укралъ, негодяй!

— Помилосердствуйте, ваше присходительство, — отвѣчалъ плачущій голосъ, — ей-Богу, не видалъ!

— Врешь, подлецъ! я помню, что у меня было шестьдесятъ копѣекъ мѣдью въ карманѣ. На прошлой станціи сдачу получилъ, самъ водку покупалъ у смотрителя. Выѣхали мы — я уснулъ; вдругъ просыпаюсь — денегъ нѣтъ! Кто же, спрашивается, могъ стянуть? а? Кто, кромѣ тебя, въ перекладной сидѣлъ, а?

— Можетъ, вы, ваше сіятельство, обронули какъ...

— Молчи, животное, а то опять нагайкой откатаю. Чтобъ были деньги, иначе подь судъ отдамъ, въ Сибирь соплю, въ Камчатку.

— Гдѣ же я, ваше высокоблагородіе, найду ихъ?

— А я-то почему знаю? Чтобъ были, и все тутъ! Ступай, ищи по дорогѣ.

На крыльцѣ, при свѣтѣ разбитаго фонаря, видна была фигура варяга съ нагайкой въ рукахъ, сзади изъ дверей выглядывала заспанная фізіономія смотрителя, а у ступенекъ скучилась цѣлая толпа оторопѣвшихъ киргизовъ и русскихъ. Одинъ изъ ямщиковъ стоялъ на колѣняхъ, безъ шапки.

На насъ никто не обратилъ никакого вниманія. Брань продолжалась, крики офицера становились все громче и громче. Наконецъ, видя что его денегъ все-таки нѣтъ, онъ замахнулся нагайкой и кинулся къ плачущему ямщику.

Вѣроятно, намъ пришлось бы увидать возмутительную сцену, еслибъ въ это время изъ темноты вдругъ не послышался голосъ:

— Вотъ они, деньги-то твои, ваше благородіе.

Всѣ оглянулись. Нагайка опустилась, ямщикъ вскочилъ на ноги. Показался киргизъ; въ протянутой его рукѣ лежала куча мѣдныхъ монетъ.

— Гдѣ взялъ, мошенникъ? окрысился на него офицеръ.

— Да въ перекладной напелъ. Ты самъ должно быть разсыпалъ, какъ пьяный спалъ.

— Вотъ я тебѣ задамъ «пьяный»! Ишь, узкоглазая свинья! Давай-ка сюда, посмотримъ.

Началось сосчитываніе суммы, которая оказалась вся сполна,

— Ну, хорошо. Пошли вонъ. Эй, смотритель, лошадей!

Толпа стала расходиться. Человѣка два побѣжали снаряжать новую повозку.

— Ваше благородіе, подошелъ обиженный ямщикъ, за что же вы даромъ меня-то опозорили? Вѣдь я десять лѣтъ на станціи служу и никто меня воромъ не называлъ. За что же?

Офицеръ повернулся къ нему и захохоталъ во все горло.

— Вотъ дуракъ-то! Да ты чего присталъ ко мнѣ?

— Да собственно за что...

— Убирайся, болванъ, пока морда цѣла. Экъ, дворянинъ какой отыскался, и побить нельзя, что ли?

— Про это я, собственно, не говорю, ваше благородіе... а за что, значить, воромъ обозвали?

— Повторяю тебѣ, что убирайся пока морда цѣла.

Варягъ важно направился въ комнаты.

Почесалъ ямщикъ у себя въ затылкѣ, надѣлъ шапку и молча пошелъ къ измученнымъ лошадямъ, которыя стояли у забора, понурия головы...

Мы подъѣзжаемъ къ Иргизу. Тамъ, въ дали, можно уже раз-
смотрѣть церковь съ зеленою крышей, длинныя строенія крѣпости,
почернѣвшія избы и домики...

Степь здѣсь уже совсѣмъ желтая, выгорѣвшая. Тамъ и сямъ
по ней, какъ шарики, бѣгаютъ какія-то сѣровато-желтыя, довольно
крупныя животныя. Онѣ быстро скрываются въ свои норки. Нѣ-
которыя, находящіяся отъ насъ въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ
на заднихъ лапкахъ и издаютъ рѣзкій, пронзительный свистъ. То
сурки.

Конечно, зоологъ стрѣляетъ чуть не въ каждого.

Но, не смотря на то, что заряды попадали въ цѣль, намъ не-
удалось захватить ни одного сурка. Животныя скрывались въ норы
и, подойдя къ отверстію ихъ жилища, можно было слышать жа-
лобный пискъ раненыхъ.

Уже совсѣмъ подъ городомъ, въ сторонѣ отъ дороги, лежалъ
мертвый верблюдъ, раскинувъ мускулистыя ноги. Штуки четыре
громадныхъ грифовъ съ голыми головами терзали его внутренности,
рвали мясо.

Мы остановились. Ружье было направлено изъ тарантаса. Гря-
нулъ выстрѣлъ. Птицы испуганно замахали крыльями, но подняться
не могли. Послѣ тщетныхъ усилій покинуть землю и убраться по
добру по здорову, онѣ неуклюже и какъ-то бокомъ побѣжали по
степи и исчезли въ ближайшей канавѣ.

— Обошрались, проклятые, замѣтилъ ямщикъ.—Ихъ у насъ
много бываетъ. А ужъ жадныя какіе — страсть!

Зоологъ былъ не въ духѣ отъ неудачной охоты и молчалъ.

Проѣхали въ бродъ мелкую, но довольно широкую рѣку Ир-
гизъ, поднялись на крутой песчаный берегъ и очутились въ го-
родѣ.

На плѣщади у длиннаго строенія, покрытаго камышемъ, стояли
двѣ пушки, ходилъ часовой. По единственной порядочной улицѣ
разгуливали куры, свинья съ поросятами, флегматично жевала
пестрая корова.

Стукъ нашего экипажа нѣсколько потревожилъ жителей; де-
сятковъ оконъ растворилось, головы мужчинъ и женщинъ выгля-
нули и съ любопытствомъ разсматривали экипажъ и пассажировъ.
Двѣ-три собаки съ лаемъ бросились къ лошадямъ, стараясь схва-
тить ихъ за морды. Я думаю, нечего и прибавлять, что съ прошлаго
года здѣсь незамѣтно было никакихъ перемѣнъ. Мнѣ показалось
даже, что изломанная повозка безъ трехъ колесъ, стоявшая тогда
на улицѣ близъ дома, гдѣ мы прожили нѣсколько дней, такъ и
осталась на томъ же мѣстѣ и съ однимъ колесомъ.

Въ Иргизѣ надо было прогостить съ недѣлку, а потому мы съ
зоологомъ наняли частную квартиру.

Въ прошломъ году (1878), когда мы проходили пески Кара-Кумы, мнѣ не удалось собрать даже плохонькаго гербарія, такъ какъ, благодаря позднему времени года, всѣ растенія были похожи скорѣе на розги. Само собой разумѣется, что, попавши теперь въ Иргизъ въ маѣ мѣсяцѣ, слѣдовало попробовать пройти отсюда въ Кара-Кумы и взглянуть на флору въ лѣтнемъ ея одѣяніи (весеннія растенія уже отцвѣли).

Но, для этого, чтобы исполнить свое желаніе, необходимо было, во 1-хъ, запастись опытными проводниками, знающими мѣстность, и, во 2-хъ, достать верблюдовъ, безъ которыхъ передвиженіе по пескамъ немыслимо.

Съ цѣлью устроить свои дѣла, я тотчасъ же по прибытіи въ городъ отправился къ исправнику.

Не успѣлъ отойти отъ квартиры нѣсколько шаговъ и—невольнo остановился: по ту сторону улицы, въ мундирѣ, съ длинной саблей и въ бѣлыхъ перчаткахъ, важно выступалъ варягъ.

Я выждалъ, пока онъ не завернулъ за уголъ, и съ облегченнымъ сердцемъ двинулся дальше.

Исправникъ, толстенный человѣчекъ, жалующійся постоянно на свое нездоровье, на какую-то хроническую болѣзнь, принялъ меня очень радушно.

За стаканомъ чая пришлось ему изложить наши планы. Къ сожалѣнію, меня постигло полнѣйшее фіаско: киргизы откочевали отъ города верстъ за двѣсти, и, слѣдовательно, найти ихъ было неособенно легко. Къ тому же, по увѣренію людей знающихъ, въ маѣ въ Кара-Кумахъ растеть какая-то трава «джаманъ чупъ», очень вредная для верблюдовъ; вслѣдствіе этого никто не рѣшился бы повести насъ въ пески ни за какія деньги.

Эта неудача была крайне для меня неприятна. По счастью, исправникъ указалъ на то, что въ окрестностяхъ Иргиза, верстахъ въ 30-ти въ сторону, начинаются пески урочища Джаръ-Булакъ, строеііе которыхъ совершенно тождественно съ Кара-Кумами; мало того, они составляютъ какъ бы островъ, отдѣлившійся отъ послѣднихъ.

Поблагодаривъ за любезное и обязательное указаніе, я уже собирался уходить послѣ пятаго стакана чая, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги.

— Кто тамъ? спросилъ исправникъ.

Вмѣсто отвѣта, полуотворенная дверь распахнулась и на порогѣ показался во всемъ своемъ блескѣ и величіи—варягъ.

Я окаменѣлъ.

Не замѣчая меня, свирѣпый офицеръ подошелъ къ хозяину.

— Что вамъ угодно? проговорилъ нѣсколько удивленный исправникъ.

— Мнѣ нужно отъ васъ извѣстнаго рода одолженія, заговорилъ вошедшій, крутя рыжій усъ.

— Какого одолженія?

— Я потерялъ свои деньги и мнѣ не на что ѣхать въ Ташкентъ. Я попросилъ бы у васъ небольшую сумму. Больше ничего-съ.

Мы оба ротъ разинули.

— Откуда же, наконецъ, у меня деньги возьмутся? вспылить исправникъ.

— Но согласитесь, что я не виноватъ, если я потерялъ свои деньги.

— Положимъ, что такъ; но у меня есть своя семья. Не обяванъ же я давать въ займы всѣмъ господамъ проѣзжающимъ.

— Милостивый государь, перебилъ воинъ и нахмурилъ брови, я не «всѣ»; я возвращаюсь изъ-за Балкановъ, гдѣ проливалъ кровь за великое дѣло освобожденія славянъ.

— Мнѣ это все равно, но у меня денегъ нѣтъ.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія.

— Наконецъ, продолжалъ освободитель славянъ, у васъ есть суммы, назначенныя на экстренные расходы; дайте мнѣ немного изъ этихъ суммъ.

— Онѣ назначены, какъ вы сами заявляете, на экстренные расходы, слѣдовательно, вамъ я ужъ никакъ не могу одолжить изъ нихъ ни одного рубля.

— Гмъ. Стало быть я напрасно обращался къ вамъ?

— Совершенно напрасно.

— Странно!.. весьма странно!..

И, сверкнувъ глазами, варягъ, не попрощавшись съ хозяиномъ, исчезъ въ дверяхъ.

Исправникъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Васъ это удивляетъ? спросилъ онъ. А мы такъ привыкли. Подобныхъ господъ можно считать десятками. Они всѣ «теряютъ» деньги и не смотря на это, всегда умудряются безъ нихъ добраться до Ташкента. Ужъ какъ имъ невидимыя силы въ этомъ помогаютъ—никому неизвѣстно.

Распростившись съ любезнымъ исправникомъ, я отправился къ воинскому начальнику г. Ч. Этотъ человѣкъ, съ которымъ я познакомился здѣсь же, въ прошломъ году, принадлежитъ къ числу вырождающихся у насъ хлѣбосоловъ-хозяевъ. Попавши къ нему, нельзя уйти не позавтракавъ, а потомъ, послѣ завтрака, слѣдуетъ сытный обѣдъ, а потомъ и ужинъ. И сидите вы цѣлый день, ѣдите и пьете до отвала, и слушаете занимательные рассказы.

Въ Иргизѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы сказалъ о г. Ч. что нибудь дурное. Вездѣ его принимаютъ съ распростертыми объятіями, вездѣ приглашаютъ то въ качествѣ гостя, то въ качествѣ крестнаго, то, наконецъ, посаженнаго отца.

Полненькій, живой, съ добрыми глазами, посеребренный сѣдиной, въ туфляхъ и бѣломъ кителѣ, — онъ не зналъ куда меня посадить, чѣмъ угостить.

За дымящимся блюдомъ необыкновенно вкусной дичи, запивая превосходнымъ портеромъ и рейнвейномъ, милѣйшій хозинъ сообщилъ между прочимъ:

— Сегодня, знаете, разстроилъ меня одинъ проѣзжій офицеръ. Приходитъ ко мнѣ, говорить: «деньги потерялъ, ѣхать не съ чѣмъ, до Ташкента добраться не могу». А тамъ больная мать сына ждетъ героя забалканскаго. Ужасно жалко стало.

— Что же, вы дали что нибудь?—спросилъ я,—пораженный до нельзя.

— Да, далъ не много... Конечно, что могъ,—смутился добрякъ.— Не хотите ли крылышко? ради Бога, возьмите же! Вѣдь съ дороги надо ѣсть побольше! Пожалуйста, вотъ этотъ кусочекъ!.. ради Бога!

Поздно кончилась наша трапеза.

Передавши и г. Ч. свои замыслы на счетъ песковъ, я получилъ въ отвѣтъ, что къ моимъ услугамъ вся его команда, что онъ мнѣ доставитъ и кибитку, и лошадей, и солдатъ сколько угодно.

Поблагодаривъ за все добрѣйшаго толстяка, я вернулся, наконецъ, къ зоологу, который уже началъ беспокоиться о моей участи.

Обрадовавши моего спутника обѣщаніемъ самой комфортабельной обстановки во время житья въ пескахъ, я потушилъ свѣчу и заснулъ какъ убитый.

II.

Мы спустились съ крутого холма. Иргизъ, съ своими глиняными домиками и церковью, еле былъ видѣнъ въ густомъ облакѣ пыли, стоявшемъ надъ городкомъ.

Уже нѣсколько дней бушевалъ вѣтеръ. Цѣлыя тучи песку, соломы, перьевъ и всякаго сора, носились въ воздухѣ и днемъ, и ночью.

Я съ большимъ удовольствіемъ покидалъ свое временное помѣщеніе, чтобы на нѣсколько дней переселиться въ пески.

Въ комнатѣ работать было нельзя. Въ ней было душно, пахло камфорой, мочалой, кожей. Нѣсколько чемодановъ, горы бумагъ для гербарія, банки съ животными—все это до такой степени стѣсняло насъ, что мы съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда всѣ приготовления кончатся и можно будетъ вырваться на свѣжій воздухъ. Наконецъ-то, эта минута настала.

Еще съ утра отправлены были два солдатика съ киргизской кибиткой, провизіей и необходимыми вещами. Около полудня къ намъ на дворъ въѣхали дроги, чтобы забрать чемоданъ и нѣкоторыя болѣе мелкія вещи, а слѣдомъ явился фельдфебель отъ г. Ч. съ гривастымъ гнѣдымъ иноходчикомъ, предназначеннымъ въ мое

полное распоряженіе. Наконецъ, скуластый киргизъ Садыкъ прикомандированъ былъ къ намъ въ качествѣ путеводаителя.

На дроги взобрался зоологъ съ ружьями, банками, бутылками, и всякою мелочью; я усѣлся на гривача, и мы тронулись.

Впереди на сѣрой худой лошади выступалъ важнымъ ходомъ Садыкъ, за нимъ дребезжали стеклянныя принадлежности моего товарища, а по бокамъ бѣсновались на горячихъ коняхъ нѣсколько казаковъ, отправившихся съ нами безъ всякой видимой цѣли, а такъ, «про всякій случай».

Сзади всѣхъ ѣхали я и фельдфебель. Онъ былъ мнѣ уже знакомъ по прошлому году, и представлялся человекомъ довольно интереснымъ. Правда, фizioномія ничего особеннаго не выражала и походила на дюжинныя лица всѣхъ нашихъ солдатъ вообще, — выправка и дисциплина точно просвѣчивали у него даже въ чертахъ лица и, казалось, что носъ, ротъ, брови, глаза и проч. размѣщены такъ, какъ это слѣдуетъ по военному уставу. Интересъ фельдфебеля заключался въ его необыкновенной смекалкѣ, любознательности и памяти. О чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили—онъ будетъ слушать съ большимъ вниманіемъ, постарается понять все сказанное по своему и уже никогда не забудетъ. Проживши десятки лѣтъ въ степи, дослуживая «срокъ» и будучи окруженъ по большей части молодыми и неопытными солдатами, присылаемыми изъ Россіи, фельдфебель выработалъ себѣ извѣстный тактъ. Его всѣ уважали и считали за непогрѣшимаго. Вѣроятно, желаніе не уронить себя въ глазахъ общества и стремленіе казаться умнымъ заставляло его говорить необыкновеннымъ языкомъ: употреблялись такія фигурныя выраженія и такія слова, что просто иногда только руками разведешь. Пораженный этою особенностью, я не могъ не записывать его цѣлыя фразы. Ко всему этому, желая быть наиболѣе галантнымъ, фельдфебель извинялся при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Такъ вотъ въ какомъ составѣ тронулись мы изъ Иргиза, проѣхали большое поле, заваленное навозомъ, и, спустившись съ крутого холма, выбрались на дорогу.

Безконечная плоскость раскинулась направо. Ни одного возвышенія, ни единого деревца не виднѣлось на всемъ пространствѣ, на сколько хваталъ глазъ. Налѣво, далеко на горизонтѣ, стояла какая-то темно-сѣрая длинная гора; она круто спускалась въ степь и имѣла видъ высокаго берега, прежде бывшаго бассейна. Прямо, не много въ сторонѣ отъ дороги, бѣлѣлась мазарка ¹⁾.

Поѣхали шибче. Иноходчикъ раскачивался и грызъ нетерпѣливо удила. Бѣлый конь фельдфебеля, истый киргизъ, горячился и фыркалъ, обдавая меня брызгами пѣны. Подымая столбъ пыли, гремѣли

¹⁾ Киргизская могила.

дроги; зоологъ держалъ, какъ знамя, длинную палку съ сачкомъ для ловли насѣкомыхъ и оберегалъ свои банки.

— Извините, прервалъ молчаніе фельдфебель. Вамъ угодно будетъ долго прожить въ пескахъ?

— Съ недѣлку должно быть придется,—отвѣчалъ я.

— Это я собственно потому спросилъ, чтобы насчетъ провизіи сумлѣнія не имѣть.

Порывъ вѣтра, налетѣвшій невзначай, обдалъ насъ горячимъ пескомъ.

— Фу, прости Господи!—отплюнулъ фельдфебель.—Какія частицы землистыя—какъ огнемъ жгутъ. А все отъ движенія атмосфернаго вѣтра. Бываютъ здѣсь такіе бураны, извините, что дома заносятъ. Года два тому назадъ у насъ, поблизости отъ Иргиза, воинская команда на топливо произрастенія всякія вырубала (какъ, напимѣръ, кокъ-пекъ, чагыръ и другія) такъ, повѣрите ли, пески совсѣмъ къ городу придвинулись, крайнія двѣ избышки покрыли, и обитателямъ много конфузу сдѣлали,—должны были свое хозяйство бросить и искательство новыхъ мѣстъ предпринять. Теперь, какъ запретили опустошеніе окрестностей производить, — и пески улеглись. Вы, извините, должны это сочувствіе понять, потому произрастенія землистыя частицы сдерживаютъ и никакого хода имъ не даютъ.

Затѣмъ, рассказчикъ пустился излагать мнѣ свои понятія о самыхъ разнообразныхъ матеріяхъ. Цѣлыхъ два часа слушалъ я фразы одна другой цвѣтистѣе и иногда, по правдѣ сказать, совершенно не понятныя.

— Что это вы, извините, записываете въ книжку? — допытывался онъ.

— Кое-какія замѣтки.

Фельдфебель удивленно оглянулся. Кругомъ была все та же гладь безконечная и однообразная. Вѣроятно, онъ сильно недоумѣвалъ, незамѣчая ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе скорчилъ самую серьезную фізіономію.

— Да-съ. Оно, конечно... Намъ оно темно, а у васъ видно самостоятельное самоутвержденіе: другой не замѣтитъ, а вы видите.

Эта фраза ему, повидимому, очень понравилась. На ней онъ и остановился.

Между тѣмъ, Садыкъ свернулъ въ сторону по направленію къ мазаркѣ. Свѣжій слѣдъ тяжелой повозки виднѣлся на рыхлой поверхности земли; онъ шелъ, начиная отъ битой дороги, по которой мы ѣхали и, извиваясь между жалкими кустами ивняка, терялся гдѣ-то вдаль.

— Это наши солдатики съ кибиткой проѣхали,—замѣтилъ фельдфебель.

Песокъ становился все глубже и глубже, попадались уже и небольшие барханы¹⁾. Легкія дроги съ зоологомъ тяжело пробирались. Скоро, однако, передъ нами появилась большая круглая площадь съ крутыми зелеными берегами—точно высохшее озеро выглянуло изъ-за куста. Дно было твердо какъ камень. Колеса звонко застучали и не оставляли за собою никакого слѣда; звукъ отъ лошадиныхъ копытъ раздавался сухой и отчетливый. У самого берега оканчивался песокъ. Здѣсь густо росли тальникъ, кизиль-друзгенъ, зеленѣла невысокая травка. Жаръ свалилъ. Раскаленное сѣрое и пыльное небо уже не такъ сильно пышетъ разслабляющимъ огнемъ. Вѣтеръ также начинаетъ стихать. Крутая гора придвинулась къ намъ; кажется, будто до нея версты двѣ, а на самомъ дѣлѣ—считаютъ версты восемь. Бѣлая мазарка теперь совсѣмъ хорошо видна. Она состоитъ изъ невысокаго зданія съ круглымъ куполомъ и четырьмя башнями по угламъ; можно даже различить низенькую узкую дверь, ведущую въ усыпальницу.

Наши дроги распряглись. Фельдфебель съ казаками исправляютъ порванную сбрую, поднимается необходимый при этомъ споръ и суматоха.

Я уѣхалъ впередъ, слѣдуя тому направленію, по которому видѣлся Садыкъ и скоро догналъ его. Еще замѣтная тропинка пересѣкала нашъ путь и уходила въ камыши.

— Куда ведетъ эта дорога? — спросилъ я.

— На зимовка. Сейчасъ зимовка увидишь, — отвѣчалъ проводникъ.

И дѣйствительно, мы поѣхали по тропинкѣ, очутились въ густомъ, высокомъ камышѣ и выбрались, наконецъ, снова на чистое песчаное поле. Небольшая группа низкихъ глиняныхъ строеній съ плоскими крышами и почернѣвшими трубами ѣжилась въ сторонкѣ. Зданія стояли безъ оконъ и безъ дверей; въ нихъ свободно гулялъ вѣтеръ.

— Чья же эта зимовка?

— Другая жена Такъ-Самбая зимой живетъ... А вотъ верста пройдемъ, опять другая жена будетъ, бульно хуроша жена... тоже Такъ-Самбаева...

— Много у него женъ?

— Два жена.

Пройхавши версту мы встрѣтили еще такую же зимовку.

— А вотъ здѣсь... вонъ видишь высокій барханъ? — указалъ Садыкъ нагайкой, здѣсь Джаръ-Булакъ начинается.

Добрались и до бархана. Въ самомъ дѣлѣ, съ этого мѣста началась полоса бугристыхъ песковъ. Холмы подымались одинъ выше другого, образовали лощины, долины, ущелья... Безконечными рядами растянулись они по всему горизонту, разсыпались громадными

¹⁾ Песчаные холмы.

неподвижными буграми по всей плоскости. Пески сразу оканчивались на глинистой площади, уходившей налѣво къ той горѣ, которую мы видѣли еще изъ Иргиза и которая имѣла теперь форму патра. Верстахъ въ двухъ отъ насъ рельефно выдѣлялась, все на той же площади, бѣлая мазарка. Какъ разъ на границѣ песковъ начиналась и растительность. Тальникъ, камышъ, джидда, густо засѣли здѣсь и расплзались между барханами. Такимъ образомъ, рѣзко и наглядно выразилась разница между песками и голою, бесплодною, глинистою степью.

Я не долго отыскивалъ удобное мѣсто для стоянки, такъ какъ, проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, наткнулся на прозрачный ручей, пробиравшійся изъ-подъ громаднаго песчаного бархана. Здѣсь и растительность была въ полномъ блескѣ. Отъ джидды, покрытой мелкими желтоватыми цвѣтками, такъ и тянуло ароматомъ.

Я слѣзъ съ лошади и приказалъ Садыку отыскать солдатиковъ съ кибиткой. Они должны были быть гдѣ нибудь не далеко, такъ какъ зимовка избрана была сборнымъ пунктомъ для всего нашего каравана.

— А ты здѣсь одинъ оставался? — спросилъ меня киргизъ, поворачивая лошадь.

— Одинъ.

— И не боялся?

— И не боюсь. А что?

— Недавно около мазарки одинъ киргизъ зарѣзали, — добавилъ онъ, — внушительно проведъ пальцемъ по горлу и ускакалъ.

Мнѣ однако не долго пришлось ожидать. Почти въ одно и то же время, слѣва слышались понуканія солдатиковъ, помогавшихъ тащить повозку съ кибиткой, а справа — показались зоологъ, фельдфебель и казаки.

Скоро закипѣла у насъ необыкновенная дѣятельность. Быстро и ловко былъ разставленъ рѣшетчатый остовъ походнаго жилища, натянули на него войлокъ, размѣстили вещи, даже постели постлали.

Нѣсколько поодаль затрещалъ костеръ. Бѣлый ѣдкій дымъ сначала кидался изъ стороны въ сторону, но потомъ густымъ столбомъ поднялся вверхъ.

Лошади живописной группой стояли тутъ же. Пестрая собака Валетка, принадлежащая иргизскому баталіону вообще и никому въ частности, серьезно поглядывала на все это движеніе, сидя на пригоркѣ.

Вечерѣло. Вѣтеръ окончательно стихъ. Солнце заходило. Последніе его лучи ярко освѣщали гору и мазарку, а мы находились уже въ голубой тѣни, падающей отъ бархана.

За хлопатами по устройству своего жилища, мы и не видѣли, какъ совсѣмъ стемнѣло.

На разостланной кошмѣ подѣ открытымъ небомъ принялись пить чай.

Этотъ чудный воздухъ, эта оригинальная обстановка, располагали къ дремотной лѣни, и, лежа навзничъ, глядя въ бездонную синеву, вдыхая ароматъ цвѣтущей джидды, хотѣлось бы не двигаться, не говорить...

Къ довершенію прелести вечера, на востокѣ кровавымъ заревомъ вспыхнула полоска; она свѣтлѣла все больше и больше, и медленно и величественно всплыла громадная луна.

Долго не могъ я успокоиться. Уже давно храпѣли мои спутники, давно погасъ костеръ,—а мнѣ все не хотѣлось забираться въ битку.

Чуть только забрежжилъ разсвѣтъ, мы были уже всѣ на ногахъ.

Въ этихъ мѣстахъ работать можно только рано утромъ или же послѣ захода солнца,—иначе, быстро возрастающая жара дѣлаетъ всякое занятіе въ высшей степени затруднительнымъ, особенно для людей, непривыкшихъ къ тамошнему климату. Можно еще, пожалуй, читать и писать, сидя или лежа на одномъ мѣстѣ въ кабинетѣ, но экскурсировать и двигаться подѣ палящими лучами солнца составляетъ страшнѣйшую пытку.

Въ силу подобныхъ соображеній, мы сидѣли уже на лошадяхъ, когда блеснулъ первый лучъ солнца.

Зоологъ съ казаками направился въ одну сторону, а я съ фельдфебелемъ поѣхалъ прямо къ мазаркѣ, чтобы между прочимъ осмотрѣть и ее.

Бойко бѣжалъ мой иноходчикъ на встрѣчу утреннему свѣжему вѣтерку. Множество мелкихъ ястребовъ сновали въ небѣ.

Но вотъ и усыпальница. Она построена по типу, который мы видѣли въ Кара-Кумахъ. Четырехъ-угольное зданіе съ большимъ куполомъ и съ круглыми столбами по угламъ (издали похожими на башни) возвышается на довольно низкомъ фундаментѣ. На самой вершинѣ крыши, на деревянномъ шестѣ, сидѣлъ деревянный же грубо сдѣланный ястребъ съ большими черными глазами. Отъ колоннъ, тщательно закругленныхъ, имѣющихъ форму бутылокъ и расположенныхъ по угламъ зданія, шла глиняная зубчатая стѣна. Входная дверь, съ заостреннымъ на верху сводомъ, находилась въ фронтонѣ, который украшался разными лѣпными узорами. Всѣ стѣны и крыша снаружи обмазаны были глиной. Нигдѣ невидны ни одной трещины, ни одного обваливагося камня,—могила стоитъ совершенно новая.

Привязавши лошадей, мы вошли.

Внутренность усыпальницы, съ одной могилой въ видѣ продолговатаго глинянаго саркофага, также носила на себѣ отпечатокъ новизны. На гладкихъ выбѣленныхъ стѣнахъ красовались рисунки.

указывающіе на занятія покойнаго. Вотъ голубой краской изображенъ сайгакъ; къ нему ползкомъ подбирается охотникъ; одною рукою онъ цѣлитъ изъ ружья, положеннаго на изогнутыхъ сошкахъ, а въ другой — держать длинную веревку, конецъ которой привязанъ къ сбруѣ коня. Нѣсколько повыше видимъ какое-то бѣгущее животное (вѣроятно лисицу) на хребтѣ его сидитъ птица (должно быть, соколъ); къ одной ногѣ птицы прикрѣплена короткая веревка съ петлей. Наконецъ, на помощь соколу бѣжитъ собака, напоминающая по фигурѣ борзую.

Въ третьемъ параллельномъ ряду находимъ, между прочимъ, двѣ сцены: одна — за зайцемъ гонится охотничій песъ съ веревкой на шеѣ, другая — свирѣпый голубой тигръ съ зигзаговидными поперечными полосами на тѣлѣ, выпущенными острыми когтями и разинутой пастью кидается на охотника, который смѣло цѣлитъ въ него изъ пистолета и держитъ въ другой рукѣ, про всякій случай, широкій топоръ.

Наконецъ, четвертый рядъ (все на той же стѣнѣ) изображаетъ рыболова: босой, въ уродливой шапкѣ, человѣкъ бьетъ трезубцемъ громадную рыбу; другая, такая же — привязана къ поясу, на которомъ виситъ еще какой-то острый прямой инструментъ или оружіе. Рыболовъ этотъ пріѣхалъ къ рѣкѣ верхомъ на осѣдланной коровѣ, которую и держитъ за поводъ.

Таковы рисунки, выведенные густою синею краской. На остальныхъ стѣнахъ замѣчаются почти тѣ же сцены съ небольшими варіаціями.

Довольно широкій карнизъ, отдѣляющій верхушку стѣны отъ купола собственно, занятъ былъ множествомъ ястребиныхъ гнѣздъ; въ нихъ пищали уродливые птенцы, покрытые желтымъ пухомъ.

Нѣсколько разъ, пока мы осматривали мазарку, въ нее влетали старые ястреба и, встрѣтивъ неожиданныхъ посѣтителей, съ испугомъ кидались назадъ. Когда же намъ пришлось покинуть усыпальницу, надъ куполомъ съ крикомъ вертѣлась цѣлая туча птицъ, оплакивающихъ, вѣроятно, юныхъ птенцовъ. За то, не успѣли мы отъѣхать нѣсколькихъ шаговъ, какъ все пернатое населеніе съ быстротой молніи бросилось въ дверь, узнать объ участи своего потомства.

— Родительскія претензіи, извините, имѣютъ! — замѣтилъ по этому поводу фельдфебель. Все-таки птица Божья... стремленіе къ своему сѣмени показываетъ.

Осмотрѣвши мѣстность на нѣсколько верстъ кругомъ, часовъ въ восемь утра, когда становилось уже жарко, мы вернулись къ кибиткѣ. Зоологъ былъ уже тамъ и суетился около богатаго матеріала; здѣсь лежали и убитыя птицы, и масса насѣкомыхъ въ спирту, и нѣсколько живыхъ молодыхъ ястребовъ. Въ суконномъ чулкѣ покоилась черная небольшая змѣя (Егухъ) изъ неядовитыхъ. Когда мы брали ее въ руки, и она съ шипѣніемъ поворачивала

свою голову въ разныя стороны—казаки и Садыкъ приходили въ неописанный ужасъ, ожидая, что наши продѣлки окончатся очень плачевно. Только фельдфебель не удивлялся; онъ рѣшилъ, что мы «слово» такое знаемъ, которое дѣлаетъ насъ неуязвимыми.

Въ просторной банкѣ возилось нѣсколько большихъ ящерицъ (*Phrynoscephalus*). Онѣ сѣровато-коричневаго цвѣта съ громадной головой и зубчатыми отростками кожи, расположенными по бокамъ пасти, на подобіе бакенбардъ. Когда животное раздражено, эти отростки принимаютъ всевозможные оттѣнки: розовый, малиновый, лиловый, синій и т. д.

Неварачная фizioномія ящерицъ и измѣнчивость въ цвѣтѣ ихъ бакенбардъ, конечно, служили темой разнообразныхъ толковъ для нашихъ спутниковъ. Всезнающій фельдфебель категорично заявилъ, что животное огонь заливаешь и въ пламени не горитъ; понятно, что этому всѣ вѣрили.

Однимъ словомъ, наша кибитка превратилась въ музей.

Даже тогда, когда жара сдѣлалась нестерпимою, мы, укрывшись въ нашемъ убѣжищѣ, могли наблюдать въ открытую дверь кое-что весьма интересное.

Вотъ, напримѣръ, въ небольшомъ углубленіи песка возится черный большой жукъ. Онъ съ большимъ стараніемъ хочетъ вытащить со дна ямки кусочекъ конскаго навоза и для этого упирается головой и передними ногами въ песокъ, а задними, болѣе длинными лапками, уцѣпившись за свою ношу, пятится по наклонной плоскости. Малѣйшее неудачное движеніе—и навозъ срывается внизъ; жукъ спѣшитъ за нимъ, снова схватываетъ, снова тащить и часто снова теряетъ. Глядя, какого труда стоитъ бѣдному труженику извлечь небольшой кусокъ изъ слѣда лошадинаго копыта, невольно вспоминаешь легенду о Сизифѣ. Натуралисты на этомъ основаніи дѣйствительно обозначили жука именемъ упомянутого міеологическаго существа. Навозъ, катаемый въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, принимаетъ совершенно правильную шарообразную форму; въ центръ его насѣкомое кладетъ свои яйца. Поэтому многимъ жукъ извѣстенъ подъ названіемъ—жука-аптекаря.

Интересно, кромѣ того, слѣдить съ какимъ остервенѣніемъ и силой дерутся два аптекаря, изъ-за обладанія навознымъ кусочкомъ; каждому хочется имѣть его, одинъ свирѣпо бьетъ другого, или же, сцѣпившись, оба противника катаются по песку. Удары сражающихся на столько сильны, что можно ясно отличать шелканіе и трескъ лапокъ, скользящихъ по твердымъ покровамъ тѣла.

А тамъ, изъ-подъ куска брошенной газетной бумаги осторожно выползла большая ящерица съ бакенбардами. Она зорко оглядывается и едва замѣтна на пескѣ, благодаря своему цвѣту. Мимо ея головы медленно пролетаетъ какое-то большое насѣкомое, въ родѣ зеленой мухи. Широкая пасть ящерицы мгновенно раскрывается,

изъ ея глубины съ быстротой молніи вылетаетъ длинный липкій языкъ, обхватываетъ муху и—пойманная добыча исчезаетъ. Тоже продѣлывается въ другой, въ третій разъ, пока животное не насытится и не побѣжитъ дальше.

Поймать эту большую ящерицу довольно трудно, такъ какъ она очень быстро бѣгаетъ; но стоитъ только не упускать ее изъ вида и замѣтить, гдѣ она остановится,—животное, стараясь укрыться и утомленное долгимъ преслѣдованіемъ, быстро-быстро отгребаетъ песокъ лапками вправо и влево, и погружается въ него, какъ въ воду; тутъ уже, конечно, легко взять ее руками.

Мы пробовали приручить ящерицъ, но безъ успѣха; посаженные же по нѣсколько вмѣстѣ, онѣ постоянно ссорятся, дерутся и часто приходилось видѣть, какъ одна, впѣпившись въ горло другой, до тѣхъ поръ не разжимала пасти, пока въ болѣе слабомъ противникѣ не оставалось ни одной искры жизни.

Между кусками саксаула, сухими листьями ивняка, бумагами, веревочками и всякимъ соромъ, быстро бѣгали крупные бѣлые муравьи-термиты. Они часто останавливались, съ необыкновеннымъ проворствомъ отбрасывали передними ножками песчинки и производили, такимъ образомъ, миниатюрные непрерывные песчаные фонтанчики. При малѣйшемъ шорохѣ—наѣкомыя исчезали.

Однимъ словомъ, куда ни посмотри—вездѣ найдешь много занимательнаго.

Вечеромъ, вооружившись ружьями, мы пошли гулять по долинамъ между барханами. Густыя рощи джидды, цѣлые лѣса ивняка, камыша—все это зеленѣло и рѣзко выдѣлялось на желтомъ фонѣ бесплодныхъ песковъ. Не вѣрилось, что такая богатая растительность пріютилась на такой непривѣтливой почвѣ. Чувствовалась сырость; по всему видно было, что подъ поверхностью земли недалеко находится вода; даже хвощи, растущіе у насъ на низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ, весело покачивались, окруженные тѣнистыми кустами гребенщика.

Особенно красивы были кизыль-джузгены. Они, по своему обыкновенію, занимали острия, наиболѣе сыпучія верхушки песчаныхъ холмовъ. Раскинувъ во всѣ стороны тонкіе и крѣпкіе трехъ-саженные корни и колѣнчатые стебли безъ листьевъ—они всѣ окутывались розовыми гирляндами плодовъ, которые, у людей не посвященныхъ, слывуть за цвѣты. Громадные шарообразные кусты этихъ оригинальныхъ растений, и безъ того красные, казались теперь огненными при вечернемъ освѣщеніи.

Долго ходили мы и присматривались къ окружающей своеобразной природѣ. Вдругъ изъ-подъ куста вылетѣлъ заяцъ и, прежде чѣмъ ктонибудь успѣлъ навести ружье, исчезъ изъ вида. Только Валетка съ громкимъ лаемъ кинулся за нимъ.

— Дезертиръ!—закричалъ фельдфебель и улыбнулся.

Между тѣмъ, время быстро летѣло. Надо было подумывать и объ отъѣздѣ въ Иргизъ, чтобы оттуда въ свою очередь двинуться въ дальнѣйшій путь.

Послѣдній день нашего пребыванія въ пескахъ стоялъ такой же удушливый, какъ и первые. Приводя въ порядокъ наши коллекціи, записывая, рисуя, мы и не замѣтили, какъ уже перевалило за полдень и фельдфебель явился въ кибитку съ дымящимся котелкомъ.

— Столъ накрытъ, пожалуйста!—официально заявилъ онъ, хотя стола никакого, конечно, не имѣлось, а салфетка, разостланная на коврѣ, замѣняла эту излишнюю мебель.

Мы весело бесѣдовали, пили кумысъ, толковали съ Садыкомъ. Какой-то отдаленный гулъ по временамъ былъ явственно слышенъ.

— Что это такое?—спросилъ я у фельдфебеля.

— Чего-съ?

— Слышите—гулъ?

— Нѣтъ-съ, никакого гула не имѣется; это у васъ въ ушкахъ звенить.

— Какое «въ ушкахъ»? Я уже нѣсколько разъ слышалъ. Не громъ ли это?

— Помилуйте-съ. У насъ, извините, ни грома, ни дождя не бываетъ-съ. Это совсѣмъ даже можно сказать рѣдкость большая, когда въ это время и вдругъ дождь.

Я замолчалъ.

Зоологъ показывалъ намъ, между прочимъ, какъ пойманная черная змѣйка лакомилась мышью. Пущенная мышь долго бѣгала по коробкѣ и змѣя, казалось, не обращала на нее никакого вниманія. Потомъ, вдругъ кинулась на свою жертву, обвила узкимъ гибкимъ тѣломъ, какъ лентой, и сжала такъ сильно, что бѣдное животное окопѣло черезъ нѣсколько минутъ. Змѣя, между тѣмъ, долго не выпускала своихъ предательскихъ петель и лежала въ углу коробки.

Казаки, Садыкъ и фельдфебель смотрѣли на все это разиня ротъ.

-- Изъ какихъ же, извините, будетъ эта тварь?—задалъ вопросъ фельдфебель, обращаясь къ зоологу.

— То есть, какъ она называется?

— Да-съ. Значитъ, какъ будто на удава похожа?

— Да. Она очень напоминаетъ по нѣкоторымъ привычкамъ.

— Чудно-съ. Такое стремленіе къ несостоятельности, что даже уму непостижимо.

Между тѣмъ, гулъ продолжался и какъ будто становился слышенъ болѣе явственно.

Всѣ переглянулись съ изумленіемъ и вышли изъ кибитки.

Дѣло объяснилось очень просто.

Вся правая сторона неба покрылась темно-синей почти черной тучей. Ея очертанія быстро мѣнялись, она точно росла съ порази-

тельной быстротой; вправо и влево отходили крылья, охватывали горизонтъ и мчались на насъ.

— Ну что?—спросилъ я у фельдфебеля.

— Удивительно-съ. Я живу здѣсь сколько годовъ и такую исторію въ другой или третій разъ только вижу. Однако, ребята, смотрите, чтобы дождемъ чего не испортило! Ступайте-ка!

Казаки побѣжали къ телѣгѣ, прикрыли вещи кошмой, понавѣдались къ лошадямъ. Валетка забрался къ намъ въ кибитку и усиленно дышалъ, высунувъ красный мокрый языкъ.

Между тѣмъ, туча приближалась. Яркое солнце внезапно скрылось; стало темно—точно сумерки наступили. Громъ грохоталъ безъ перерыва; изрѣдка слышались удары, напоминающіе пушечные выстрѣлы.

На дальнемъ солончакѣ взвился бѣлый столбъ соленой пыли, завертѣлся и пошелъ вдаль; за нимъ послѣдовалъ второй, тамъ—третій... Скоро и ближніе барханы будто задымились; съ легкимъ звономъ посыпались песчинки. Вдругъ холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо. Куски оберточной бумаги, солома, перья, понеслись на насъ... Ослѣпительная молнія разрѣзала тучу, мелькнула змѣйкой и вонзилась въ дальнюю гору. Слѣдомъ грянулъ громъ. Ударъ былъ короткий, сухой и такой сильный, что мы едва устояли на ногахъ.

— Господи Іисусе Христе! прошепталъ фельдфебель и набожно перекрестился.

Его примѣру послѣдовали и всѣ остальные казаки.

— Пойдемте-ка въ кибитку, предложилъ я, а то дождь пожалуй сейчасъ брызнетъ.

И дѣйствительно, не успѣли мы войти, какъ крупныя капли щелкнули на песокъ. Потомъ послѣдовалъ еще ударъ грома, и проливной дождь загудѣлъ по нашей войлочной крышѣ.

Въ пять минутъ вокругъ лагеря было уже цѣлое море воды. Быстрые ручьи съ шумомъ понеслись съ бархановъ, подхватывали листья, стебли, солому и съ пѣной исчезали вдали. Вѣтеръ съ страшной силой ревѣлъ и давилъ на кибитку. Жиденькій ея остовъ трещалъ и гнулся. Два казака и Садыкъ держались за веревки, прикрѣпленные къ потолку, иначе наше жилище было бы опрокинуто и унесено. Къ довершенію всего, мы съ ужасомъ замѣтили, что подъ кошму гдѣ-то пробралась вода и съ журчаніемъ ринулась на коллекціи, подушки, одѣяла... Куда дѣваться? Положить не на что, держать все въ рукахъ — невозможно. Пришлось многимъ поплатиться.

Къ счастью, буря продолжалась не больше часа. Вѣтеръ сталъ утихать, громъ сдѣлся глуше, дождь мало по малу пересталъ. Мы отворили войлочную дверь.

Туча пошла на Иргизъ. Синія, растрепанныя полосы опускались тамъ и сямъ изъ тяжелыхъ еще облаковъ, освѣщаемыхъ изнутри

голубоватымъ свѣтомъ молніи. Въ воздухѣ чувствовался запахъ фосфора. Увлажненный песокъ испускалъ прохладу. Выглянуло солнце. Испаренія поднялись со всѣхъ сторонъ; мокрая кошма на кибиткѣ точно дымилась. Тепло и влага напомнили намъ наши бани, даже какъ будто чувствовался банный запахъ.

Между тѣмъ, мы принялись просушивать мокрыя вещи, казаки отправились за лошадьми, фельдфебель отдавалъ какія-то приказанія и увѣрялъ, что все это очень удивительно.

За то какой чудный вечеръ наступилъ послѣ бури; какимъ чистымъ воздухомъ дышала грудь!

Долго сидѣли мы у кипящаго чайника и не могли насладиться волшебной лунной ночью. Было такъ свѣтло, что являлась полнѣйшая возможность писать и читать.

На небѣ ни облачка. Нѣсколько летучихъ мышей рѣяли въ воздухѣ. Запоздалый ястребокъ хлопотливо пролетѣлъ по направленію къ мазаркѣ.

Рано утромъ двинулись мы обратно въ Иргизъ. Поблагодаривъ любезнаго Ч. и исправника за ихъ предупредительность и вниманіе къ намъ, распростились мы и съ словоохотливымъ фельдфебелемъ.

Пользуясь свѣтлыми ночами, когда не такъ жарко жечь, мы въ тотъ же день покатали дальше на югъ, дремотно покачиваясь подъ однообразный звонъ колокольчика.

III.

Дорога была намъ знакома по прошлому году. И теперь, какъ тогда, передвиженіе могло считаться сноснымъ только до станціи Терекли; отсюда же начинались мученія для всякаго путешественника: лошади заморенныя, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ, верблюды—еле живые; прежде чѣмъ сдвинуться съ мѣста приходилось ждать по нѣсколько часовъ, торговаться, хлопотать, даже браниться. Особенно удивляешься тому, что пространство въ 9 верстъ превращается (по столбамъ) въ 12, 12—въ 15, и т. д. Конечно, прогонная плата взимается за послѣднюю цифру. Къ довершенію всей прелести, станціи построены изъ глины (а не изъ бревенъ, какъ до Терекли), стѣны лопаются, крыша проваливается и, въ концѣ концовъ, вся усадьба исчезаетъ подъ налетѣвшимъ пескомъ. Поэтому, сплошь да рядомъ, около развалившейся постройки торчатъ двѣ или три джуламейки (кибитки); въ одной изъ нихъ помѣщается казенный столъ съ «жалобной» книгой на длинной веревочкѣ, виситъ портретъ государя, росписаніе или, лучше сказать, описаніе предстоящаго пути съ указаніемъ вымышленнаго числа

верстѣ. Много бѣдъ причинило намъ и то обстоятельство, что мы не запаслись казенной подорожной.

Въ силу всего сказаннаго будетъ понятно, почему мы медленно двигались, дѣлая не болѣе 40 верстѣ въ сутки.

Но вотъ и Аральское море — такое грустное и тихое на видъ. Маленькія волны плещутся на низкіе песчаные берега, взбиваютъ грязную пѣну, выбрасываютъ живыхъ и мертвыхъ ракушекъ. Тамъ и сямъ по окраинамъ заливчиковъ тянутся бѣлыя полосы высохшей соли, торчатъ кусты гребенщика. Какіе-то длинноногіе кулички бѣгаютъ по взморью, слабо попискивая и подымаясь тучей при приближеніи человѣка.

Мертвая природа оживляется еще почтовой станціей съ разбитыми окнами, стогомъ гнилого камыша на дворѣ, да воемъ старой голодной собаки. За исключеніемъ такихъ грустныхъ доказательствъ присутствія здѣсь человѣка, все мертво или, по крайней мѣрѣ, мертвенно.

Съ удовольствіемъ замѣтили мы, наконецъ, на горизонтѣ ряды пирамидальныхъ тополей. То былъ Казалинскъ, тамъ сверкала Сыръ-Дарья.

Городъ уже носитъ на себѣ отпечатокъ восточнаго. По улицамъ часто наталкивается на караваны верблюдовъ; почти на каждомъ шагѣ можете встрѣтить ишака (осла), нагруженнаго всякой всячиной или же несущаго на своихъ выносливыхъ плечахъ громаднаго хивинца въ громадной бараньей шапкѣ; ноги всадника чуть не касаются земли. Базаръ запруженъ киргизами, въ маленькихъ лавченкахъ сидятъ бухарцы съ азіатскими коврами, халатами, голубой посудой... Пахнетъ кунжутнымъ масломъ, слышатся гортанные звуки непонятнаго разговора. Тощія собаки шныряютъ между народомъ... И все это суетится въ облакахъ густой пыли.

Но, стоитъ вамъ отъѣхать подальше отъ базара, и вы попадаете въ сравнительно широкія улицы, любуетесь комфортабельнымъ домомъ «начальника»... Мимо пронеслась щегольская коляска (хоть нѣсколько и старомоднаго фасона) богатаго купца, запряженная парой вороныхъ лошадей, приведенныхъ изъ Симбирска. По тротуарамъ спѣшить куда-то казакъ, несутъ ящикъ два матроса, гуляетъ дама съ зонтикомъ. Однимъ словомъ — Европа да и только. Правда, на площади, на которой стоитъ церковь, лежатъ дохлыя кошки, но... безъ этого украшенія не обходится ни одинъ русскій городъ.

Если вы проберетесь на берегъ Сыра, вамъ бросится въ глаза цѣлая масса глиняныхъ низкихъ построекъ — это мастерскія Аральской флотиліи; онѣ рѣдко работаютъ всѣ, но за то машины чисты, блестятъ какъ новыя... На рѣкѣ дремлютъ баркасы, медленно раз-

рушаются дряхлые пароходы. Мнѣ рассказывали, что въ свѣжій вѣтеръ опасно выѣзжать на этихъ старикахъ въ море, такъ какъ никто не можетъ поручиться за крѣпость и надежность представителей нашего азіатскаго флота.

Таковъ въ общихъ чертахъ Казалинскъ или Казала, какъ его называютъ туземцы.

По пыльнымъ улицамъ промчались мы до гостинницы. Она вся состояла изъ корридора и четырехъ номеровъ, расположенныхъ по два, на каждой сторонѣ. Окна безъ занавѣсокъ, глиняные полы безъ ковровъ, твердая и изломанная мебель — таково убранствъ этихъ комнатокъ. Прибавьте ко всему этому миллионы мухъ и какой-то особый специфическій запахъ, и вы будете имѣть полное представленіе объ единственной гостинницѣ города. Около крыльца стоялъ небольшой тарантасикъ, запряженный парой верблюдовъ. Высокій, стройный господинъ, съ сѣдыми усами, стриженными бѣлыми волосами на головѣ и умнымъ взглядомъ укладывалъ вещи. Ему помогалъ миловидный мальчикъ въ голубой шелковой рубашкѣ, кучерскихъ шароварахъ и изящныхъ высокихъ сапогахъ. Съ перваго же взгляда поражала у этого юноши высокая грудь и чрезвычайно сильно развитыя бедра.

Сѣдой путешественникъ обернулся къ намъ. Одѣтъ онъ былъ въ инженерный китель, сшитый не безъ щегольства; толстая золотая цѣпь солидно лежала на груди. Надвинувъ на свой красивый носъ *pinse-nez* и удовлетворивъ своему любопытству, онъ снова принялся за дѣло.

Мы заняли номеръ, умылись и съ жадностью принялись за чай.

Вдругъ дверь отворилась и на порогъ показался инженеръ.

— Извините пожалуйста, — обратился онъ, — что я васъ обезпокою. Не можете ли размѣнять мнѣ десятирублевую бумажку?

Завязался разговоръ, пошли взаимные разспросы. Окалось, что инженеръ ѣдетъ въ Петро-Александровскъ черезъ Кызыль-Кумы, что онъ возвращается изъ Питера, куда навѣдывался къ своему семейству; жена его постоянно живетъ въ столицѣ и занимается воспитаніемъ дѣтей, а онъ, по обязанностямъ службы, обреченъ томиться на берегу Аму-Дарьи.

— Такая трущоба этотъ Петро-Александровскъ, — говорилъ нашъ новый знакомый, — что и выразить вамъ не могу. Только и развлечения, что съѣздишь за 30 верстъ въ Хиву, къ хану. Я съ нимъ большой пріятель. Сидимъ и пьемъ шампанское, запиваемъ пуншемъ и спимъ. Везу ему въ подарокъ стереоскопъ съ нецензурными картинками... Ужасно любить. Общества у насъ совсѣмъ нѣтъ, каждый живетъ особнякомъ или же въ карты дуется... Женщинъ свободныхъ — ни одной, все законныя супруги... Можете себѣ представить!.. По счастью теперь въ Оренбургѣ удалось мнѣ достать одну сиротку... чай замѣтили?.. въ мужскомъ костюмѣ?.. Славная

дѣвочка 15 лѣтъ... Очень обрадовалась, когда я предложилъ ѣхать со мной. Подумалъ, отчего не сдѣлать доброе дѣло? Вѣдь умереть съ голоду... А тутъ будетъ и ей хорошо, и мнѣ хорошо... Ну, однако, прощайте!.. Совѣмъ зарпортовался!.. Будете въ Петро-Александровскѣ—не проходите мимо! Addio!

Инженеръ ушелъ. Мы вышли на крыльцо проводить. Киргизъ взгромоздился уже на одного изъ запряженныхъ верблюдовъ. Сѣдой пассажиръ закупоривалъ флягу, изъ которой только что пропустилъ себѣ въ горло порядочную порцію.

— Ну, теперь можно двигаться! — прибавилъ онъ, влѣзая въ экипажъ, гдѣ ужъ сидѣлъ юноша съ высокой грудью. — Тебѣ, Наташа, хорошо сидѣть?.. а?..

Наташа сконфуженно прижималась въ уголъ. По всему было видно, что костюмъ ее стѣсняетъ, что она не вошла еще въ свою роль; она не знала куда дѣвать руки, какъ протянуть ноги; мужской картузъ падалъ съ головы, коса расплеталась.

— А вѣдь разлюбезное дѣло, господа, этотъ нарядъ!.. Что можетъ быть удобнѣе для дороги?.. Ну, развѣ годится куда нибудь длинная юбка, корсетъ и всякая дребедень, когда приходится тащиться двѣ недѣли въ тарантасѣ!.. Итакъ, до пріятнаго свиданія!.. Ну, айда!..

Киргизъ дернулъ за веревку своего верблюда, ударилъ подручнаго. Животныя жалобно завывли, фыркнули, и медленно, нехотя, потащили экипажъ...

— Ну, ужъ народецъ,—проговорилъ зоологъ.—Что это за типы!.. Одинъ курьезнѣе другого...

Долго оставаться въ Казалинскѣ намъ не пришлось. Мы живо окончили наши дѣла и тронулись въ путь.

Вотъ и Кара-Тугай — одинокая станція, крайній предѣлъ нашего прошлогодняго путешествія.

Взойдя въ комнату живо припомнилось веселое общество товарищей, споры о пройденныхъ Кара-Кумахъ, самоваръ, даже пѣтые въ то время романсы.

Теперь... комната была пуста, вѣтеръ свистѣлъ въ трубѣ. На дворѣ поднималась буря. Не смотря на то, что часовая стрѣлка показывала два часа дня, наступила совершенная темнота — хоть свѣчу зажигай. Солнце спряталось; въ воздухѣ вертѣлись тучи пыли, изъ сосѣднихъ Кара-Кумовъ мчались по землѣ цѣлые барханы... Въ двухъ шагахъ трудно было рассмотреть что нибудь.

Благодаря этой бурѣ, мы едва добрались до форта № 2, гдѣ прождали до утра. Фортъ ничего особеннаго не представляетъ: нѣсколько домиковъ, образующихъ двѣ-три улицы, да небольшое гли-

няное укрѣпленіе—лѣпятся на берегу Сыра. Достать здѣсь что нибудь, исключая курицы и черстваго хлѣба, намъ не удалось.

Свѣжее утро, наступившее послѣ вѣтреннаго дня, чистое небо, прозрачность дали—помирили насъ съ судьбой. Мы двинулись дальше. Стали попадаться большіе такыри, т. е. затвердѣвшіе солончаки, по которымъ легко катился нашъ тарантасъ. Гребенщикъ и саксаулъ образовали по дорогѣ цѣлыя рощи.

Выѣхавши на ровную плоскость, мы молча ежились отъ утренняго холодка, какъ вдругъ зоологъ засуетился и схватилъ ружье. Шагахъ во ста отъ насъ стояла пара чернохвостыхъ антилопъ, щипля травку. Граціозныя и изящныя онѣ освѣщались розовыми лучами восходящаго солнца и испуганно навестили уши, гордо поднявъ красивыя головки.

Но, вѣроятно, животныя догадались объ опасности, которая имъ грозила, потому что едва блеснулъ стволъ ружья, онѣ съ быстрой молніи скрылись изъ вида.

Не прошло получаса, какъ натолкнулись на нѣсколько штукъ сайгаковъ. Эти, однако, еще быстрѣе умчались прочь, подбрасывая задомъ и поднимая столбъ пыли.

Между тѣмъ, вдали на горизонтѣ показались строенія, зазеленѣли деревья; стали встрѣчаться верховые казаки, киргизы, стада барановъ. Потянулись огороды. Мы подѣзжали къ форту Перовскаго или Акъ-Мечети, городу основанному въ 1853 на мѣстѣ коканской крѣпости, взятой штурмомъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, графомъ Перовскимъ.

И здѣсь вы встрѣчаете длинныя и короткіе глиняныя домики, почти плоскія крыши, азіатскій базаръ, громадное количество солонцоватой пыли и такую же неряшливость жителей, какъ и въ Казалинскѣ.

На берегу Сыръ-Дарьи помѣщена крѣпость съ подъемнымъ мостомъ, засореннымъ рвомъ и остатками полуразрушенной башни, которая, какъ кажется, есть единственное напоминаніе о прежней Акъ-Мечети.

Но меня интересовалъ не городъ, а нѣчто другое. Дѣло въ томъ, что если вы, читатель, посмотрите на карту нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, то замѣтите около Перовска сильное развѣтвленіе Сыръ-Дарьи на множество рукавовъ. Отъ этого русло затягивается иломъ, зарастаетъ камышомъ и рѣка отступаетъ влѣво все больше и больше; самый крайній широкій рукавъ называется Джаманъ-Дарья. Такимъ образомъ, существуетъ громадное урочище, состоящее изъ цѣлага лабиринта извилистыхъ узкихъ каналовъ и множества острововъ, непроходимыхъ и необитаемыхъ.

Такъ какъ между Казалинскомъ и Чиназомъ ходятъ пароходы, при чемъ они направляются черезъ Джаманъ-Дарью, то, само собою разумѣется, неоднократно поднимались вопросы о возможности расширить русло, очистить его отъ камышей, углубить фарватеръ и проч. Конечно, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, слѣдовало бы изучить эти недоступныя мѣста, узнать причину отклоненія рѣки и, вообще, проникнуть глубже въ таинственный Кара-Узякъ (какъ называютъ туземцы). Не зная ничего почти положительнаго, приходилось слышать много баснословнаго о Кара-Узякѣ. Говорили, напримѣръ, будто острова, поросшіе камышемъ, передвигаются вѣтромъ то въ одну, то въ другую сторону; что каналы, какъ живые, то суживаются, то расширяются; будто путешественникъ, возвращающійся назадъ изъ лабиринта, можетъ натолкнуться на несуществовавшій до этого времени островъ или же можетъ быть легко затертъ надвинувшимся берегомъ... Однимъ словомъ, разговора было много, но положительныхъ свѣдѣній не существовало.

Все это возбуждало мое любопытство и я рѣшился пробраться въ сказочную мѣстность. Само собою разумѣется, что мнѣ и въ голову не приходило изучить Кара-Узякъ во всѣхъ отношеніяхъ, просто хотѣлось предпринять экскурсію съ ботанической цѣлю. Чтобы устроить свои дѣла, надо было, однако, похлопотать у начальства.

По счастью, въ Перовскѣ жилъ одинъ офицеръ, знакомый мнѣ по кара-кумской экспедиціи. Не долго думая, я отправился къ нему, былъ принятъ чрезвычайно радушно и получилъ обѣщаніе не только устроить все, но даже сопутствовать въ путешествіи. Кромѣ того, услыша, что помѣщеніе, которое нашлось въ гостинницѣ, было крайне плохо, онъ предложилъ мнѣ ночевать въ пустомъ зданіи военнаго клуба. Конечно, я согласился. Только зоологъ не покинулъ нанятаго номера, такъ какъ ему пришлось много возиться къ коллекціями.

Благодаря сочувствію коменданта, велѣно было на завтра снарядить для насъ желѣзный баркасъ и предоставить въ распоряженіе команду, состоящую изъ шести человѣкъ казаковъ.

Собираясь въ предстоящую поѣздку пришлось недолго, поэтому остальное время дня и вечеръ я провелъ въ компаніи офицеровъ за стаканомъ чая. Самоваръ кипѣлъ безъ устали и снабжалъ всѣхъ неизякаемымъ источникомъ горячаго напитка.

За то зоологу было много хлопотъ. Жара способствовала быстрому разложенію убитыхъ птицъ и животныхъ, поэтому необходимо было, не теряя ни минуты, снять кожицу, намазать ее нужнымъ составомъ, записать въ книжку подъ номеромъ, и т. д. Словомъ, бѣдный сотоварищъ завалилъ всю свою комнату богатымъ матеріаломъ и полураздѣтый, съ окровавленными руками, вооруженный скалпелемъ—проработалъ цѣлыя сутки въ вонючей атмосферѣ. Боясь ка-

кихъ нибудь случайностей, не надѣясь на плохіе запоры, онъ не воспользовался даже предложеніемъ ночевать въ клубѣ, вмѣстѣ со мной.

Но вотъ наступила ночь. Городишко погрузился въ сонъ. Все какъ будто вымерло. Тускло сверкали звѣзды на небѣ, которое темнымъ колпакомъ прикрыло насъ; ихъ блескъ едва проникалъ сквозь густую тучу пыли, стоящей надъ домами, надъ крѣпостью, надъ чахлыми городскими деревьями. Говорятъ, что такой сухой туманъ держится здѣсь все лѣто и только съ наступленіемъ зимнихъ дождей мало по малу осѣдаетъ.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что почва здѣсь (какъ и вообще въ этихъ широтахъ Средней Азіи) покрыта толстымъ, почти въ двѣ четверти, слоемъ лѣсса. Малѣйшій вѣтерокъ подымаетъ цѣлый столбъ мелкихъ частичекъ этого мягкаго порошка; слѣдовательно, можно себѣ представить, сколько его взбрасывается на воздухъ, когда по улицѣ проскачетъ всадникъ, пройдетъ почтовая тройка, или пройдетъ стадо. Пыль, поднятая разъ, на столько легка, что держится въ атмосферѣ очень долго; за одну ночь немыслимо воздуху очиститься хоть на половину, а съ пробужденіемъ жизни въ городѣ, едва станетъ разсвѣтать, новыя лѣссовыя тучи закружатся по улицамъ.

Итакъ наступила ночь. Сопутствуемый собесѣдниками, я отправился на ночлегъ по большой площади, точно усталой мягкой ковромъ. Ноги тонули, поднятая пыль заставляла чихать, что возбуждало всеобщій смѣхъ, шутки, остроты.

Наконецъ, мы остановились у длиннаго, низкаго зданія, со множествомъ оконъ. Ощупью отыскали дверь и вошли. Затхлый воздухъ такъ и ударилъ въ носъ.

— Вѣстовой! — крикнулъ М. (гостепріимный офицеръ, схлопотавшій мнѣ ночлегъ).

— Вѣстовой! — откликнулось эхо и покатилося по всѣмъ пустымъ комнатамъ.

Гдѣ-то вдаль сверкнулъ свѣтъ и показался заспанный солдатъ со свѣчей въ рукахъ.

Мы вошли въ залъ. Длинный, узкій, со множествомъ оконъ безъ мебели, онъ показался мнѣ какимъ-то громаднымъ фонаремъ. На потолкѣ висѣлъ обыкновенный деревянный обручъ (вѣроятно, снятый съ бочки) на четырехъ «сахарныхъ» веревочкахъ. Ради красы обручъ и веревки были когда-то обмотаны и оклеены узкими полосками золотой бумаги; теперь же отъ нея остались только клочья.

Назначеніе подвѣшеннаго круга, какъ, вѣроятно, догадывается читатель, заключалось въ томъ, чтобы замѣнить люстру, которую, конечно, въ этой глуши невозможно достать. Голыя стѣны, обмазанные глиной, во многихъ мѣстахъ носили слѣды трещинъ; кое-

гдѣ вколоченные громадныя гвозди поддерживали во время надобности зеркала или еще что нибудь. По угламъ красовались темныя и пыльныя гирлянды паутины.

Изъ залы направо шла дверь (т. е. отверстіе двери, безъ затворокъ) съ полинялыми голубыми портьерами изъ шерстяной ткани. Комната носила громкое названіе—дамской уборной. По стѣнамъ сдѣланы глиняныя скамьи на подобіе лежанокъ; противъ входа стоитъ разбитое трюмо; потолокъ чернѣетъ отъ копоти, пыли и паутины.

Посреди этого-то дамскаго помѣщенія стояла, приготовленная для меня, кровать. Чувствуя усталость, я распростился съ моими провожатыми и, въ свою очередь, долженъ былъ посвѣтить имъ, выпустить вѣстового и запереть дверь.

Гулко раздавались мои шаги въ пустыхъ комнатахъ. Половицы гнулись, жалобно стонали. Обходя весь домъ, я нигдѣ не нашелъ никакой мебели,—все было пусто. Только въ одной комнатѣ съ землянымъ поломъ валялись груды декорацій, изодранныхъ и испачканныхъ, стояло сухое дерево съ привязанными къ нему зелеными бумажными листьями, да въ углу торчали деревянныя копья, картонныя латы, мечъ и всякій театральнѣйшій хламъ.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что антрепренеръ ташкентской труппы, проѣздомъ черезъ Перовскъ, давалъ какое-то представленіе и пользовался для этой цѣли клубомъ.

Убѣдившись, что мнѣ нечего бояться никакихъ незваныхъ гостей, такъ какъ все было заперто, я вернулся въ уборную. Но, не успѣвъ поставить свѣчу на глиняную скамью, какъ на подушку шлепнулось что-то, повидимому, съ потолка.

Оказалась фаланга—большой паукъ съ четырьмя сильными и острыми челюстями. Онъ очень проворенъ и своимъ укушеніемъ причиняетъ нестерпимую боль. Рассказывали даже случаи смерти, послѣдовавшей довольно быстро послѣ раненія этимъ опаснымъ животнымъ.

Конечно, непрошенный гость былъ тотчасъ же раздавленъ. Но, черезъ пять минутъ шлепнулась другая фаланга, потомъ—третья... Тогда я рѣшилъ вытащить свою кровать въ залъ, на средину комнаты. Но при этомъ передвиженіи поднялся такой гулъ въ пустомъ необитаемомъ домѣ, что, казалось, весь городъ долженъ былъ быть разбуженъ.

Наконецъ, я улегся. Воцарилась мертвая тишина. Множество оконъ смотрѣло на меня точно громадныя четырехъ-угольные глаза; углы закутались въ тяжелый мракъ...

Цѣлую ночь приходилось прислушиваться, оглядываться, ожидать, что вотъ-вотъ явится откуда нибудь фаланга. Каждый, я думаю, испыталъ какъ нехорошо спится вообще на новомъ мѣстѣ;

можно судить поэтому, на сколько дурно дремалось мнѣ при описанной обстановкѣ. Только сильное утомленіе заставило забыться передъ восходомъ солнца.

За зеленый мысъ уходитъ Перовскъ. Надъ городомъ стоитъ густая красноватая пыль. Свѣжій вѣтерокъ дуетъ прямо на встрѣчу. Нашъ желѣзный баркасъ безъ шума несется по теченію.

Сырѣ-Дарья, подернутая легкимъ утреннимъ туманомъ, гладка какъ зеркало; всѣ предметы на берегу—деревья, кусты, верховой киргизъ—съ необыкновенною точностью отражаются въ водѣ; даже небо, съ неуловимыми переливами красного, розоваго и голубого цвѣтовъ, какъ будто окунулось въ холодную влагу.

Между тѣмъ, какъ ни одна волна, ни малѣйшая зыбь не рябитъ поверхности рѣки, она несется довольно быстро впередъ. Но, это можно замѣтить только присматриваясь или къ берегу, или къ какому нибудь камню, тяжело выглядывающему изъ воды. Только тогда видно, какъ вся масса Сыра стремится впередъ неудержимымъ потокомъ. Отъ этой быстроты вода мутна, почти желтаго цвѣта и даетъ въ стаканѣ большой осадокъ.

Двигаясь по рѣкѣ, глядя на ея зеркальную поверхность, то и дѣло замѣчаешь какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ вода вдругъ закипаетъ: покажутся нѣсколько маленькихъ водоворотовъ, сольются вмѣстѣ и подбросивши въ верхъ небольшую пѣнистую волну, вертятся съ легкимъ шумомъ, несутся дальше. Черезъ минуту все успокаивается и отъ воронковидной движущейся ямы не остается и слѣда.

Иногда такое кипѣніе и образованіе воронки происходитъ какъ разъ около лодки, и тогда явленіе наблюдается очень хорошо. Причина всему этому, сколько мнѣ извѣстно, невыяснена до сихъ поръ окончательно.

Между тѣмъ, мы движемся довольно быстро. Казаки, составляющие нашу команду, аппетитно завтракаютъ; только одинъ изъ нихъ стоитъ на рулѣ. Зоологъ готовитъ себѣ поудобнѣе мѣстечко. Я веду разговоръ съ М. и Д., офицерами, которые отправились съ нами ради прогулки.

— Плохо живется здѣсь, говорилъ Д. Ни общества, ни книгъ не имѣется. Хорошо тому, кто умѣетъ въ карты играть, ему есть возможность убить время; а кто, какъ я, ихъ въ руки взять неумѣетъ, тому—хоть вѣшайся на первомъ деревѣ! Всякій считаетъ себя вполне счастливымъ, когда является возможность получить командировку въ Ташкентъ, все-таки на время оживишься; безъ этого остается запить горькую.

М. былъ въ другомъ настроеніи. Онъ задавалъ множество вопросовъ, не ожидая отвѣтовъ, распоряжался «по хозяйству» и фаль-

шиво мурлыкалъ различныя шансонетки, до которыхъ былъ отчаянный охотникъ.

— Теперь, я думаю, можно и чайку испить? обращался онъ ко всѣмъ вообще. И, знаете,—съ мягкими лепешками, прелесть! Или, быть можетъ, поѣсть говядинки хотите? А то—подождемъ немного. Провизіи захватили много. Не желаете ли папироски? Есть даже сигары, но вы, кажется, ихъ не курите. Лягу, полежу... Вотъ тутъ прекрасное мѣстечко! А вы не ляжете?

И, не дожидаясь отвѣта ни на одинъ изъ вопросовъ, загѣлъ:

Ребенокъ... двѣ капли,
Двѣ капли—отецъ!

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ города, воздухъ дѣлался все чище и чище. Пріятная свѣжесть охватывала тѣло. Берега, крутые и обрывистые, были покрыты сплошной непроходимой массой колючки—приземистаго кустарника, вооруженнаго гибкими и большими иглами.

Иногда вдругъ вѣтерокъ приносилъ удушающій аромат цвѣтушей джидды.

Но, странно, ландшафтъ пока былъ мертвъ. Не слышно ни стрекотанія кузнечиковъ, ни крика птицъ. Все точно дремало.

Скоро добрались до мѣста развѣтвленія рѣки: налѣво шла Джаманъ-Дарья, направо—ея рукавъ, который и образуетъ начало Кара-Узьяка. Баркасъ свернулъ вправо, путешествіе только что начиналось.

Вдругъ до моего слуха долетѣло какое-то странное пѣніе, состоящее изъ прищелкиванія, треска, писка и небольшого числа свистящихъ нотокъ.

Я удивленно взглянулъ на зоолога, а тотъ уже сидѣлъ улыбаясь, поднявши палецъ кверху, какъ бы прося непрерывать мелодіи.

— Что это такое? спросилъ я шопотомъ.

— Соловей, здѣшній азіатскій соловей... отвѣчалъ онъ еле слышно.

Пѣніе однако прекратилось. Надо сознаться, что оно не можетъ быть даже сравниваемо съ пѣніемъ нашего соловья, которое мы привыкли слушать въ тиши майской ночи; это не пѣніе, а карикатура, жалкое подобіе; оно скорѣе, по моему, напоминаетъ щелканіе скворца.

Бѣдемъ дальше. На поворотѣ рѣки изъ-за куста мелкнуло что-то бѣлое съ длинной шеей и скрылось въ камышахъ.

— А это что? обратился я опять къ зоологу.

— Не видѣлъ, такая жалость!

— Лебедь облаковенный, пробасилъ рулевой, щуря глаза и глядя впередъ...

На отмели сидитъ громадная темная птица съ голой головой и

оканчиваетъ свой завтракъ. Завидя насъ, она вытянула шею, покачнулася впередъ и, расправя длинныя крылья, тяжело поднялася на воздухъ.

— Грифъ,—заявилъ М.—Хотите выстрѣлить? Впрочемъ, теперь ужъ поздно!

Опять кругомъ было тихо. Въ небѣ высоко-высоко чернѣлся орелъ и дѣлалъ большіе круги, не шевеля крыльями.

— Здѣсь должно быть хорошая охота? спросилъ зоологъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Прекрасная, отвѣтилъ Д. Есть кабаны, есть тигры, есть и всякая птица. Да и немудрено: Кара-Узякъ совсѣмъ необитаемъ, только рыбаки-киргизы знаютъ немного мѣстность, слѣдовательно, дичь никѣмъ не распугивается. Туда дальше, гдѣ находятся плавающие острова, тигровъ очень много.

— А ну какъ мы наткнемся на этого полосатаго звѣрька? подумалъ я. Встрѣча неособенно пріятная!

Тѣмъ временемъ, протокъ рѣки, по которому мы слѣдовали, дѣлался все уже и уже; берегъ понизился, заросъ громаднымъ густымъ камышемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баркасъ налеталъ на мель; тогда казаки прыгали въ воду, стаскивали наше судно и путешествіе продолжалось.

Были однако и добровольныя остановки; выходили на берегъ разводили огонь, становили самоваръ и немного отдыхали въ тѣни камыша... Но все удовольствіе отравлялось комарами, которые съ необыкновенною назойливостью пробирались въ рукава, за воротникъ и кусали руки, лицо, шею. Приходилось отмахиваться, курить, пачкаться гвоздичнымъ масломъ.

Наконецъ, жара стала спадать, солнце двигалось къ западу и надо было подумать о ночлегѣ.

М., распорядившись экипажемъ, зорко слѣдилъ за берегами, отыскивая мѣстечко поудобнѣе. Однако, это не было легкимъ дѣломъ—вездѣ виднѣлись все камыші и камыши безъ конца. Мы начинали уже отчаяваться, думали, что нельзя будетъ развести огонь, какъ вдругъ... о радость! налѣво показался крутой берегъ, поросшій кустами и снабженный даже небольшою лужайкой.

Пристали. Вбили колъ, привязали баркасъ. Всѣ съ удовольствіемъ выпрыгнули на сушу и расправляли усталые члены.

М. сдѣлалъ даже антраша, прищелкнулъ языкомъ и началъ-было:

Когда супругъ
Захочетъ вдругъ
Свою супругу
Навѣстить...

но налетѣвшій рой комаровъ облѣпилъ его окончательно.

Напрасно отмахивался онъ обѣими руками, жалящій непріятель наступалъ храбро и рѣшительно, пока пѣвецъ не бросился бѣжать

къ баркасу и, отыскавши тамъ густую кисею, не окутался ею хорошенько. Конечно, все это сопровождалось самою ужасною бранью.

Я съ Д. хотѣли было пробраться вглубь острова черезъ кусты колючки, но... сдѣлавши шаговъ десять, отказались отъ задуманнаго плана—милліонъ шиповъ вонзилось въ наше тѣло, и мы чуть было не оставили на сучьяхъ все платье.

Между тѣмъ, сумерки сгущались быстро. Румянецъ заката перешелъ въ лиловатую тѣнь. Съ рѣки поднялся туманъ. У разведеннаго костра присѣли казаки и мы. Кто грызъ хлѣбъ, кто варилъ кашу, кто пилъ чай.

Я ушелъ на баркасъ, закутался въ кисею и улегся.

— А что тигръ не придетъ? слышался голосъ М. Вѣдь надо принять мѣры. Не поставить ли карауль? Ребята, надо поочередно не спать и чтобъ ружья были наготовѣ.

— Слушаю-съ, ваше высокородіе, отвѣчалъ голосъ.

— А вамъ хочется спать, г. зоологъ? Впрочемъ, еще рано... Что же мы дѣлать будемъ? Вѣдь здѣсь небезопасно, подлый тигръ можетъ такъ подкрасться, что и не замѣтимъ. Вѣдь правду я говорю? Однако—я иду на баркасъ спать. Прощайте, господа.

О, неужель васъ, боги, веселить

Что наша честь кувыркомъ-кувыркомъ полетитъ?

Спите вы или нѣтъ?.. я ложусь, по крайней мѣрѣ.

Не получивши отъ меня никакого отвѣта, въ которомъ онъ, впрочемъ, и не нуждался (по обыкновенію), М. повозился на своей постели, покачалъ баркасъ и умолкъ.

Не смотря на все желаніе уснуть, комары не дали даже вздремнуть ни мнѣ, ни товарищамъ. Не прошло и получаса послѣ того, какъ мы «разошлись», какъ ужъ всѣ сидѣли, охали, проклинали судьбу, плепали себя по лбу, по щекамъ. Даже кисея не спасала и комары безжалостно вонзали свои жала въ наше тѣло. Шансонетки умолкли, М. ругался.

На берегу потухшій костеръ еле дымился. Укрывшись зипунами, казаки спали самымъ безмятежнымъ сномъ; ихъ, какъ видно, и комары не беспокоили. Только одинъ часовой прохаживался съ ружьемъ между лежащими товарищами и боролся съ дремотой.

Сырѣ-Дарья едва журчала, касаясь желѣзнаго бока баркаса. Камыши стояли неподвижно; ни одна былинка не шевелилась, ни одинъ листокъ не шелестилъ и не прерывалъ ночной тишины. Изрѣдка темное небо освѣщалось падающей звѣздочкой, изрѣдка вспыхивала папироска у Д., и на минуту изъ темноты выступали рыжіе усы и кончикъ носа, облитые краснымъ отблескомъ...

Дремота одолѣвала.

Еще было далеко до восхода солнца, когда мы отчалили. Туманъ стлался надъ камышами густой пеленой, холодная влага проливалась насъ до костей; всѣ сидѣли или лежали молча, не шевелясь.

Вдругъ надъ баркасомъ съ трескомъ пронесся фазанъ и грузно опустился на другомъ берегу въ темныхъ кустахъ.

Зоологъ вскочилъ, съ отчаяніемъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезла птица и схватилъ ружье. Но, увы! фазаны въ другой разъ не показывались.

Взошло солнце. Проѣхавши еще нѣсколько верстъ, наткнулись на полянку, по которой разбросано было нѣсколько кибитокъ, дымились костры, сновалъ народъ, лаяли собаки.

— Ауль,—объявилъ рулевой, не спуская глазъ съ маленькаго островка, который мы огибали.

— Не остановиться ли? спросилъ М.—Рулевой, правъ къ берегу. Сейчасъ напьемся чайку, курочку зажаримъ, водочки пропустимъ... прелесть!

Не о томъ скорблю, подруженьки...

Баркасъ стукнулся о берегъ. Киргизы поспѣшили къ намъ на встрѣчу, помогли поставить самоваръ и пригласили помѣститься въ пустую, еще не занятую кибитку.

Отъ нихъ мы узнали, что ауль только вчера расположился здѣсь для рыбной ловли, что путешествіе на баркасѣ должно окончиться, такъ какъ рѣка дальше пойдетъ все мельче и мельче, дѣлясь на узкіе рукава, и что въ нашемъ тяжеломъ суднѣ нѣтъ возможности проплыть въ этомъ лабиринтѣ и двухъ верстъ. Последняя новость насъ крайне опечалила. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился попробовать пуститься въ дальнѣйшій путь на какойнибудь лодкѣ, съ гребцами, знающими Кара-Узякъ.

На такое предложеніе киргизы согласились тотчасъ же, и черезъ часъ явилась душегубка и два рыбака. Новое суденышко, предназначенное для меня, было узкое и длинное дерево, глубоко сидящее въ водѣ (бортъ возвышался не больше вершка надъ поверхностью рѣки); въ носовой части виднѣлась внушительныхъ размѣровъ дыра, заткнутая тряпкой; снопы камыша, брошенный на дно, служилъ мѣстомъ сидѣнья. Ко всему сказанному прибавьте необыкновенную неустойчивость—стоило поднять руку или протянуть ногу, какъ душегубка начинала качаться самымъ безпощаднымъ образомъ. Таковъ былъ новый экипажъ.

Сопутствовать мнѣ рѣшился одинъ Д., хотя, по правдѣ сказать, больше двухъ пассажировъ (кромѣ гребцовъ) лодка не могла бы вмѣстить.

Вооружившись берданками и револьверомъ, запасшись бумагой и банками для растеній, двинулись.

Теченіе быстро понесло насъ отъ оставшихся товарищей. Кир-

гизы ловко лавировали между отмелями и изрѣдка отпихивались длинными пестами отъ крутого берега.

Не успѣли оглянуться, какъ аулъ скрылся изъ вида, а черезъ полчаса влетѣли въ какой-то зеленый корридоръ: высокій камышъ сплетался надъ головой, подъ этимъ живымъ сводомъ царствовалъ мягкій полусвѣтъ. Вода, стиснутая берегами и не находя для себя достаточнаго простора, съ глухимъ шумомъ неслась дальше и буквально процѣживалась сквозь корни и стебли растеній. Паденіе горизонта Сыръ-Дарьи становилось настолько сильно, что мы подъ конецъ скользили какъ по водопаду. Здѣсь киргизы показали свое искусство—они такъ ловко вертѣлись въ этихъ узкихъ корридорахъ, что мы ни разу не были выброшены на отмель, ни разу не зацѣпились носомъ; лодка послушно поворачивалась, шла ровно и точно изгибалась.

Прошло часа два. Узкій протокъ расширился; среди высокихъ зеленыхъ стѣнъ вода образовала круглый бассейнъ; вправо выступалъ глинистый островокъ. Рѣка здѣсь какъ будто стояла неподвижно, ни одна струйка не рябила ея гладкой, зеркальной поверхности. Душегубка пошла медленно. Одинъ изъ киргизовъ, стоящій на носу, вытащилъ со дна лодки длинный трезубецъ, поднялъ его высоко надъ головой, и, перегнувшись за бортъ, сталъ пристально вглядываться въ глубину. Мы затаили дыханіе.

Вдругъ трезубецъ быстро опустился въ воду, киргизъ налегъ на его рукоятку и черезъ секунду — на желѣзномъ остріѣ трепеталъ громадный усачъ; сброшенный въ лодку, онъ сильно прыгалъ, вращалъ глазами и безпомощно открывалъ ротъ.

Рыбакъ, видя, что добыча можетъ легко ускользнуть изъ плѣна, самымъ хладнокровнымъ образомъ запустилъ пальцы ей въ глаза и ударилъ о бортъ.

На небольшомъ пространствѣ и въ довольно короткій промежутокъ времени было, такимъ образомъ, убито нѣсколько крупныхъ экземпляровъ рыбы.

Удивительно, на сколько вѣренъ глазъ кочевника и силенъ его ударъ; необъяснимо то чутье, съ которымъ онъ отыскиваетъ невидимую для насъ добычу; казалось, что вода совершенно покойна, что на ея поверхности нѣтъ ни пузырька воздуха, ни струйки, ни тѣни рыбы, а между тѣмъ, именно, въ такихъ-то мѣстахъ мѣткая острога находила или жирнаго сазана, или колоссальнаго усача.

Натѣшившись охотой, вѣхали опять въ узкій корридоръ, помчались снова между камышами и, спустя довольно долгое время, стукнулись о дно. Душегубка стала.

Вода попрежнему неудержимо стремилась вдаль и шипѣла между камышами, но продолжать путь было уже невозможно.

Киргизъ кое-какъ объяснилъ намъ, что дальше будетъ все также мелко, и пойдутъ сплошные камыши.

Мы взяли длинные песты, соскочили въ воду и пошли въ бродъ, пока не уперлись въ зеленую непроницаемую стѣну. Дѣлать нечего, пришлось вернуться.

Въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ канала, на островкѣ, развели огонь. Сазаны и усахи, разрѣзанные на длинные ломтики и воткнутые на заостренные палочки жарились на кострѣ; жидкій горячій жиръ капалъ на уголья и распространялъ аппетитный ароматъ. Усѣвшись около лодки, окруженные высокимъ камышемъ, мы имѣли надъ своими головами только небольшой клочокъ голубого неба. По немъ проносились длинными вереницами громадныя розоватыя пеликаны, съ отвислыми мѣшками подъ нижнею челюстью. Они пугливо кидались въ сторону, замѣтивши насъ, а одинъ изъ стаи такъ близко пролетѣлъ мимо, что мы чувствовали вѣяніе его крыльевъ.

Какъ ни интересно было посидѣть въ такой глуши подольше, но... слѣдовало подумать и объ отъѣздѣ. Противъ теченія подыматься оказалось очень трудно: киргизы цѣплялись руками за камышъ, притягивали его къ себѣ и, упираясь ногами въ душегубку, сдвигали ее, такимъ образомъ, съ мѣста. Тамъ же, гдѣ такая манипуляція почему бы то ни было оказывалась непригодною, пускали въ ходъ длинные и крѣпкіе песты. Каждый догадается, какими черепашьими шагами тащились мы, не смотря на желаніе выбраться изъ этихъ трущобъ до захода солнца. Иногда случалось, что камышъ, за который держался киргизъ, вдругъ вырывался съ корнемъ, и нашу душегубку несло назадъ, ударяло о берегъ или же выбрасывало на отмель. Приходилось во второй разъ проходить уже пройденное пространство.

Усталость и головокруженіе окончательно овладѣли нами. Напрасно мы стрѣляли, разговаривали, пѣли чувствительные романсы, бранились съ рыбаками—припадки морской болѣзни, отъ этихъ минутныхъ толчковъ и покачиванія, подступали ко мнѣ все чаще и чаще. Наконецъ, когда уже я лежалъ почти въ безчувственномъ состояніи на связкѣ мокраго тростника, киргизъ радостно вскрикнулъ и указалъ намъ на развернувшуюся картину: рѣка сдѣлалась шире, на лѣвомъ берегу стоялъ аулъ, а около крайней кибитки покачивался нашъ желѣзный барказъ. Однако, въ виду нашихъ товарищей, когда оставалось проѣхать нѣсколько сажень, съ нами чуть не совершилось катастрофа,—тряпка, которой заткнута была дыра въ днѣ душегубки, выскочила и вода хлынула въ лодку фонтаномъ. Напрасно искали мы мокрыя доскутья, чтобы ими снова заложить отверстіе—они куда-то исчезли, а другого подъ руку ничего не попадалось, пришлось засунуть въ щель собственную руку, обернутую носовымъ платкомъ. Насилу пристали къ берегу, гдѣ были встрѣчены толпою любопытныхъ киргизовъ и товарищами, которые начинали уже беспокоиться о нашей участи.

— Ну, что, тигры васъ не съѣли?—спрашивалъ М.—А вѣдь это очень легко могло случиться. Ёсть хотите? Отъ чая тоже не откажетесь?.. Пойдемте въ кибитку, тамъ все уже приготовлено.

Мы съ наслажденіемъ расположились на мягкомъ коврѣ, при свѣтѣ свѣчи, заправленной въ бутылку.

Ночь наступила темная, холодная. Вѣтерокъ тянулъ съ рѣки. Вдали сонливо перекликались собаки.

Обратный путь совершали мы верхомъ. Все обстояло благополучно. Видѣли на берегу множество скелетовъ сомовъ, которыхъ здѣсь водится во множествѣ; попадались черепа, имѣющіе до двухъ четвертей въ затылочной части. Рассказываютъ, что не обходится недѣли, чтобы кто нибудь изъ купающихся не исчезъ безвозвратно, схваченный громаднымъ хищникомъ за ногу.

Прѣѣзжая черезъ одинъ аулъ, расположенный на рукавѣ Сыра, мы вздумали напиться чаю. У берега покачивалась душегубка; въ ней сидѣлъ киргизенокъ лѣтъ четырнадцати.

Пока товарищи хлопотали, я вошелъ въ лодку и велѣлъ себя вести покататься. Ловко дѣйствуя шестомъ (вмѣсто весла), мальчишка направился въ камыши. Вода здѣсь была покойная, тихая. Вдругъ что-то ударило о дно нашей душегубки, громадный темный хвостъ мелькнулъ въ воздухѣ и волна хлестнула къ намъ за бортъ. Киргизенокъ чуть не слетѣлъ въ глубину.

Когда все утихло, мой возница захохоталъ во все горло.

— Сомъ!.. Джаманъ сомъ!.. Охъ, джаманъ! твердилъ онъ, весело утирая брызги съ своего широкаго лица.

Послѣ этого, я повѣрилъ въ рассказы объ исчезнувшихъ казакахъ, о пропадающихъ безъ вѣсти киргизахъ.

Такому прѣсноводному киту, который однимъ ударомъ хвоста чуть не опрокинулъ лодку, ничего не стоитъ утащить человѣка въ глубину.

Подѣѣзжая обратно къ берегу, я увидѣлъ, что на отмели нѣсколько голыхъ ребятишекъ, сидя на песчаномъ днѣ, собираютъ что-то руками и кладутъ въ корзинны. Оказалось, что это они ловятъ рыбу. Способъ крайне простъ, нѣсколько человѣкъ, отходятъ отъ берега на извѣстное разстояніе, садятся рядомъ на дно и разставляютъ ноги. Двигаясь по направленію къ сушѣ, они отрѣзываютъ всякое отступленіе мелкой рыбѣ, которая мечется между колѣнами и безъ всякаго труда захватывается руками. Согласитесь, читатель, что способъ довольно примитивный!

Отдохнувши немного, наша кавалькада направилась къ Перовску.

Тамъ пришлось привести коллекціи въ порядокъ и, распростиившись съ любезными офицерами, опять сѣсть въ тарантасъ.

М. и Д. провожали насъ. Достали лимонаду, пили за благополучное путешествіе.

Наконецъ, лошади тронулись.

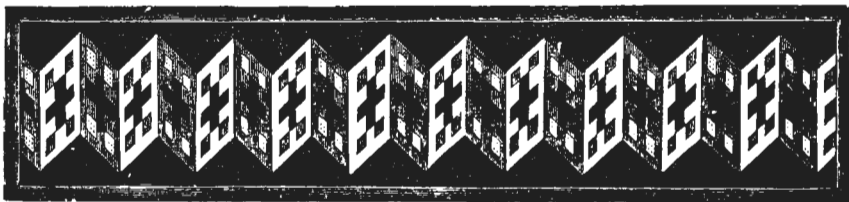
— Прощайте, прощайте! кричалъ М.—А что, увидимся ли еще когда нибудь?

И, не дождавшись отвѣта, зашагалъ по улицѣ, мурлыча какой-то мотивъ...

Н. Сорокинъ.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ¹⁾.

IV.

А ПЕРОВСКИМЪ природа нѣсколько измѣняется. По обѣ стороны избитой и ухабистой дороги начинается мѣстами появляться своеобразный саксауловый лѣсъ. Уродливые, толстые стволы этого растенія покрыты пучками ярко-зеленыхъ вѣтокъ, которыя своимъ нѣжнымъ цвѣтомъ рѣзко выдѣляются на темно-сѣрой корѣ. Древесина необыкновенно крѣпка, такъ что никакой топоръ не въ состояніи перерубить даже неособенно толстый стебель; за то достаточно посильнѣе ударить обухомъ, чтобы весь онъ рассыпался въ щепки. Не смотря на такую хрупкость, тонкіе годичные слои древесины до такой степени плотны, что куски ея, брошенные въ воду—тотчасъ же тонуть, падаютъ на дно.

Благодаря полному отсутствію листьевъ, къ которымъ мы такъ привыкли на нашей родинѣ, лѣсъ саксаула не имѣетъ ни малѣйшей тѣни. Лучи солнца жгутъ землю, песокъ заноситъ деревья, ломаетъ вѣтки... И при такой ужасной обстановкѣ саксаульные деревья доживаютъ до глубокой старости: мнѣ удавалось насчитывать болѣе двухсотъ лѣтъ у нѣкоторыхъ, не особенно толстыхъ, экземпляровъ. Прибавлю еще, что благодаря тому обстоятельству, что эти сухіе невзрачные стволы, представляютъ собою превосходное топливо, скоро наступитъ время, когда своеобразныя растенія со-

¹⁾ Первые три главы этой статьи были напечатаны въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 года.

вершенно исчезнуть изъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній,—до такой степени безпощадно истребляются они во всѣхъ мѣстахъ.

Не доѣзжая до маленькаго форта Джулека, влѣво отъ дороги, начинаютъ показываться на горизонтѣ синющія горы Кара-тау; то свѣтлѣе, то темнѣе идутъ онѣ почти до самаго Чимкента. По разсказамъ старожиловъ, весьма недавно горы эти изобиловали богатою дичью,—тутъ встрѣчались даже олени, кабаны и тигры.

Но вотъ вдали являются какіе-то сѣро-желтые холмы, полуразрушенныя башни, высокія стѣны. Это остатки города Саурана. Лѣтъ 15 тому назадъ можно было еще видѣть здѣсь оригинальныя сооруженія, въ видѣ гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ рейнвейна. Говорятъ, что съ этихъ высокихъ минаретовъ когда-то сбрасывали преступниковъ.

По другой легендѣ, башни построены Тамерланомъ, въ угоду его любимой внучкѣ, нелюбившей сидѣть въ гаремѣ и большой охотницѣ любоваться окрестностями и видомъ громадной мечети Хазрета, которая построена въ городѣ Туркестанѣ ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но Сауранъ былъ большимъ городомъ, торговля процвѣтала, караваны тянулись къ нему со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что владыка этой мѣстности только зимовалъ здѣсь, держалъ войско, молился въ мечети, а лѣтомъ кочевалъ въ сосѣднихъ горахъ. Наконецъ, калмыки во второй половинѣ XVII вѣка будто бы нанали на городъ и разрушили его. Теперь, только пыльные остатки указываютъ на мѣсто, гдѣ когда-то кипѣла жизнь...

Наконецъ, еще немного и на горизонтѣ начинаетъ обрисовываться Туркестанъ съ своей колоссальной и чудной развалиной мечети, которая и до сихъ поръ поражаетъ красотой, не смотря на обрушившіяся украшенія.

Глухою ночью въѣхали мы въ городъ. Все кругомъ спало. Пустыя, неособенно широкія улицы, обсаженные стройными пирамидальными тополями и кудрявымъ тальникомъ, затянуло какъ дымкой, легкимъ туманомъ; въ двухъ-трехъ домикахъ только свѣтились огоньки.

Усталой рысью подкатили лошади нашъ запыленный тарантасъ къ подъѣзду почтовой станціи. Ямщикъ-киргизъ грузно спрыгнулъ съ козелъ и принялся стучать въ окно смотрителя.

Черезъ пять минутъ мы вошли въ чистую, просторную комнату, куда заспанная женщина внесла зажженную свѣчу.

Съ какимъ наслажденіемъ кинулся я на твердый кожаный диванъ и, не смотря на приглашеніе зоолога поужинать, не хотѣлъ двинуться съ мѣста...

¹⁾ Хорошхинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края 1876. стр. 10.

Бодрые и веселые шагали мы на другое утро къ крѣпости, взятой русскими въ 1864 году, гдѣ помѣщается мечеть.

На высокомъ холмѣ стоятъ сгруппированными казенныя зданія, стѣна съ воротами... Кругомъ расположился городъ съ тѣнистыми бульварами; вездѣ журчатъ арыки съ холодной свѣтлой водой...

Такъ какъ мы попали въ базарный день, то на улицахъ было довольно оживленно. Киргизы съ верблюдами, навьюченными всякимъ хламомъ, хивинцы въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ верхомъ на маленькихъ ослахъ, офицеры, солдаты, дамы... все это сновало, кричало, шумѣло. Протолкавшись сквозь пеструю толпу, мы, наконецъ, очутились передъ развалиной. Разноцвѣтные глазированные кирпичи ярко блестѣли на солнцѣ, но во многихъ мѣстахъ «полива» отскочила и видны широкіе и тонкіе кирпичи. По бокамъ главнаго входа (по угламъ) высятся круглыя башни. Надъ дверью замѣтно большое окно, суживающееся кверху. Справа и лѣва торчатъ деревянные брусья неопредѣленнаго назначенія, на которыхъ поселились задумчивые аясты.

Сбоку видѣнъ главный куполь, а сзади него—другой, сравнительно меньшихъ размѣровъ и необыкновенно красиваго очертанія. Вообще, надо сказать, что въ настоящее время видъ мечети съ боковъ представляется болѣе эффектнымъ: эти купола, пестрота окраски, рѣшетчатые огромныя окна—все производитъ сильное впечатлѣніе.

Войдя въ зданіе, невольно останавливаешься передъ громаднымъ металлическимъ чаномъ изящной работы, который имѣетъ форму колоссальной вазы. Вокругъ него стоятъ бунчуки съ ветхими пучками конскихъ волосъ. У входа въ главный придѣлъ, гдѣ покоится прахъ пророка Хазрета, помѣщены большіе мѣдныя, когда-то позолоченныя, шандалы, а дверь, ведущая въ это святилище, поражаетъ прекрасной рѣзной работой.

Говорятъ, что описываемое зданіе построено Тамерланомъ 490 лѣтъ тому назадъ, на могилѣ сартовскаго святого, пророка султана Хаджи-Ахмета-Хазрета. По поводу этой постройки существуетъ слѣдующая легенда:

Однажды Магометъ училъ народъ и приводилъ его въ восторгъ силою своего ума и слова. Видя восхищеніе слушателей, пророкъ сказалъ:

— Черезъ 500 лѣтъ послѣ моей смерти явится на землѣ святой человѣкъ, который будетъ имѣть даръ пророчества не менѣе меня!.. Но,—прибавилъ Магометъ,—не скрою отъ васъ и того, что мнѣ необходимо передать этому будущему избраннику одинъ талисманъ. Кто изъ васъ согласится сохранить его и доставить по принадлежности?!

Мечеть Хайрата въ Туркестанѣ.

Тогда изъ толпы вышелъ старецъ. Онъ былъ благочестивъ, прожилъ уже 500 лѣтъ и назывался Арслонъ-бобъ. Изъявивши готовность отыскать святого, старецъ спросилъ Магомета:

— Гдѣ же долженъ я найти избраннаго?

— Иди,—отвѣчалъ пророкъ,—въ городъ далекій, лежащій отсюда на сѣверо-восточной сторонѣ. Городъ этотъ называется Туркестанъ; тамъ находится медресе, а въ числѣ учениковъ найдешь и новаго пророка.

— Но, какъ же я узнаю его? чѣмъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ?—допытывалъ Арслонъ-бобъ.

— Когда всѣ ученики будутъ выходить изъ училища и радостно побѣгутъ домой, останется у дверей только одинъ; онъ набожно сложитъ руки и медленно пойдетъ спиной впередъ. Спроси его—какъ зовутъ? странный юноша отвѣтитъ—Хазретъ. Тогда передай ему вотъ эту ягоду, въ которой сокрытъ мой талисманъ, мое завѣщаніе. Но, помни, старецъ,—прибавилъ Магометъ,—что ягоду эту надобно сохранять осторожно во рту, за устами, въ теченіе 500 лѣтъ; ее нельзя ни помять, ни разгрысть, ни раздавить—иначе горе тебѣ и всему народу!

— Исполню свято твое завѣщаніе,—отвѣчалъ старецъ...—И если умру ранѣе указаннаго срока, то берусь найти человѣка, который возьмется за продолженіе начатаго мною дѣла.

Однако, благочестивому Арслонъ-бобу удалось самому исполнить волю пророка. Онъ прожилъ еще 500 лѣтъ, добрался до Туркестана и здѣсь нашелъ все такъ, какъ говорилъ и предсказывалъ Магометъ.

Когда молодой святой получилъ ягоду, то спросилъ у посланнаго:

— Что же ты высосалъ изъ нея весь жиръ, а отдаешь мнѣ кость?

Тѣмъ не менѣе принявъ даръ пророка, сталъ учить народъ, прославился добрыми дѣлами и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ славу самаго умнаго и благочестиваго человѣка. Само собою разумѣется—явились завистники, вздумавшіе погубить проповѣдника. Двое изъ старшинъ города велѣли украсть корову, убить ее, а кожу и голову подбросить въ домъ Хазрета. На другой день по городу забили тревогу, пустились розыскивать пропажу и къ удивленію всѣхъ нашли у святого окровавленные остатки украденнаго животнаго. Народъ былъ въ смущеніи, не зная какъ объяснить подобный фактъ, а старѣйшины обвинили уличеннаго въ воровствѣ.

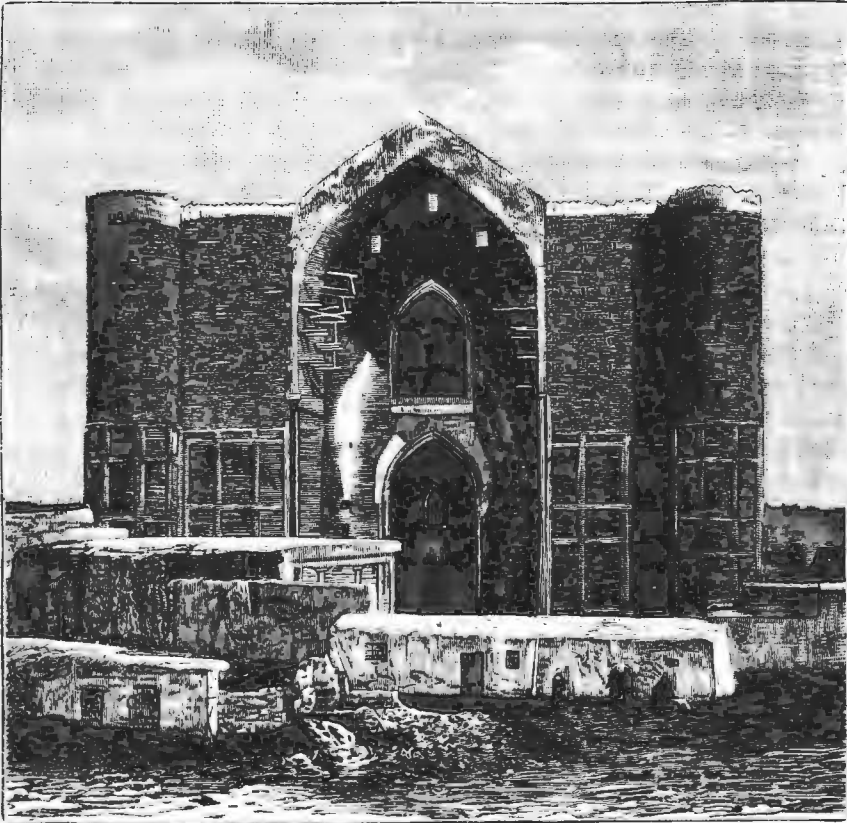
— Если я укралъ корову,—заявилъ тогда спокойно Хазретъ,—то пусть я превращусь въ собаку; если же это неправда, то пусть виновники этой исторіи сейчасъ сдѣлаются собаками.

Не успѣлъ святой докончить этихъ словъ, какъ въ ту же минуту оба старѣйшины превратились: одинъ—въ бѣлую, другой—

въ черную собакъ, которыя, поджавъ хвосты, стремительно выбѣжали изъ дома Хазрета.

Новое чудо еще болѣе привлекло къ святому сердца правовѣрныхъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться слушать его поученія.

Хазрету въ это время было 60 лѣтъ. Онъ вырылъ себѣ пещеру и молился въ ней еще 60 лѣтъ. Толпы народа стояли у пещеры и слушали.

Фасадъ мечети Хазрета въ Туркестанѣ.

Пророкъ приходилъ въ экстазъ и въ это время выпускалъ изо рта пѣнистую слюну, которая попадая на кого-нибудь изъ слушающихъ, дѣлала его святымъ.

Въ мѣстѣ своего ученія Хазретъ и умеръ. Его похоронили тутъ же и насыпали надъ нимъ земляной курганъ.

Что касается до праведнаго старца Арслонъ-боба, то исполнивши обѣщаніе, данное Магомету, онъ удалился въ городъ Отгоръ, лежа-

щій на Сыръ-Дарьѣ, въ 40 верстахъ южнѣе города Туркестана, и тамъ вскорѣ скончался.

Когда Тамерланъ во главѣ своего многочисленного войска шелъ изъ Самарканда на Россію, то остановился въ Туркестанѣ. Онъ слышалъ о святомъ, но не выполнѣ вѣрилъ въ его могущество. Тѣмъ не менѣе, однако, заявилъ, что если Хазретъ поможетъ ему завоевать Россію и взять Москву, то надъ простой могилой пророка онъ соорудитъ великолѣпную мечеть.

И приснился въ ту же ночь Тамерлану сонъ. Хазретъ явился къ нему и сказалъ: «Много ты русскихъ городовъ разоришь, но Москвы не возьмешь».

Предсказаніе сбылось. Однако, властитель Азіи велѣлъ строить мечеть.

Не смотря на громадное количество рабочихъ, не смотря на всѣ старанія мастеровъ—дѣло не шло; что сложено было днемъ, разваливалось ночью. Наконецъ, явился Тамерлану опять Хазретъ и сказалъ:

— Выстрой сначала мечеть надъ могилой святого, ранѣе меня жившаго и не менѣе меня славнаго. Святой этотъ Зимга-Ате (Зенготѣ) похороненъ въ 15 верстахъ отъ Ташкента, въ городѣ, названномъ въ честь его Зенготъ.

Желаніе пророка было исполнено, и только тогда въ Туркестанѣ явилась мечеть, удивлявшая своей красотой и роскошью всѣхъ богомольцевъ.

Такова легенда, которую мнѣ удалось записать на мѣстѣ. Она вся дышетъ восточной фантазіей и оригинальностью. При мечети когда-то находилось и медресе, т. е. высшее училище. Маленькія кельи муллъ и учениковъ расположены въ два этажа. Изъ нихъ въ верхнемъ—обитаютъ въ настоящее время только стаи одичавшихъ кошекъ.

Въ особомъ помѣщеніи развалины, по пятницамъ, убиваютъ барановъ, приводимыхъ благочестивыми мусульманами въ даръ мулламъ, которые варятъ тутъ же эти добровольныя пожертвованія и поѣдаютъ вмѣстѣ съ прихожанами. Здѣсь же въ мечети имѣется и колодезь.

Такъ какъ, кромѣ развалины мечети, въ Туркестанѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, то мы въ тотъ же день двинулись дальше. Близость Ташкента и сознаніе того, что въ азіатскомъ Парижѣ можно будетъ отдохнуть послѣ безконечной дороги, бодрила насъ, и заставляла терпѣливо переносить всѣ невзгоды и непріятности. Не останавливаясь, почти не ѣвши, мчались мы все дальше и дальше...

Вотъ и маленькій Чимкентъ. Тѣ же глиняные домики, тѣ же хивинцы, бухарцы, солдатики... Красивые сарты обступили насъ

съ разными товарами: одинъ—предлагалъ урюки и яблоки, другой—дыни, черешни и огурцы, третій притащилъ сокола въ красной шапочкѣ и приученнаго къ охотѣ за перепелами... Сѣдой, внушительнаго вида, старикъ развертывалъ передъ нашими глазами серебряныя запонки, пуговицы и всякую мелочь, украшенную чернью и бирюзой. Однимъ словомъ, станція наполнилась всевозможными азіатами, отъ которыхъ трудно отдѣлаться.

— Лошади готовы!—пробасилъ высокій смотритель съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ.

Наскоро захвативши свой скудный завтракъ, бросились мы въ тарантасъ. Бойкая тройка не стояла. Киргизъ-ямщикъ заложилъ себѣ за губу порядочную порцію нюхательнаго табаку, расправилъ возжи и мы ринулись по мягкой пыльной дорогѣ. «Сухой» туманъ задернулъ всю даль, какъ кисеи; сквозь него темнѣли высокіе пирамидальные тополи, кишлаки, горы съ причудливыми очертаніями.

Когда жаръ свалилъ, когда повѣяло прохладой, мы добрались и до послѣдней станціи передъ Ташкентомъ.

Здѣсь стояло нѣсколько экипажей, въ открытыя окна слышалось пѣніе, хлопанье пробокъ, звонъ стакановъ, веселые голоса. Оказалось, что какое-то значительное лицо ѣдетъ въ Россію, и вотъ сослуживцы, по здѣшнему обыкновенію, пріѣхали проводить его и пожелать благополучнаго пути.

Все это было причиною того, что намъ лошадей не дали и предложили остаться до разсвѣта.

— Вы посудите сами,—говорилъ шопотомъ, подошедшій къ нашему тарантасу, смотритель,—развѣ я могу отпустить васъ сейчасъ? вѣдь достанется такъ, что вѣчно помнить будешь!.. засните у себя въ экипажѣ, а я распоряджусь, чтобъ все было, какъ слѣдуетъ... Вотъ черезъ часъ, черезъ два, ихъ превосходительство уѣдутъ,—ну, и всѣ разѣдутся... тогда и вамъ лошадокъ дадимъ, а теперь — Боже сохрани!.. ужъ пожалуйста обождите!.. сдѣлайте божескую милость!

Дѣлать было нечего, улеглись въ тарантасъ, и долго слышались пьяные голоса. Какъ уѣхалъ генералъ, мы не слышали.

Н. Сорокинъ.

